

Виктор Драницин

**Осип Мандельштам и петербургский Парнас
начала XX века**

I

**Мандельштам и Зинаида Гиппиус:
к истории знакомства и происхождения прозвища
«Зинаидин жидок»**

– Чей это дом? – спросил он у углового будочника.
– Графини ***, - отвечал будочник.
Германн затрепетал...

А. С. Пушкин «Пиковая дама»

15 февраля 1909 года Михаил Кузмин запишет в своем дневнике: «Утром Серёжа¹ пришёл, когда я ещё спал; пили кофей внизу; денег очень мало. Будили Ник<олая> Ст<епановича>²; пришёл Зинаидин жидок; выручал его; потом пошли опять к Ник. Ст.»³. Публикаторами дневника в комментариях дано следующее пояснение к «жидку»: «Так в кругу Кузмина именовали тогда О. Э. Мандельштама. Прозвище связано с тем, что ему в это время протезировала З. Н. Гиппиус»⁴. Комментарий основан на мемуарном свидетельстве Н. Я. Мандельштам: «Она [З. Н. Гиппиус] писала о нем Брюсову и многим другим, и в ее кругу Мандельштама стали называть “Зинаидин жиденок”»⁵.

Между тем свидетельство вдовы поэта о протезировании З. Н. Гиппиус юному Мандельштаму (далее – О.М.) относится к началу 1910-х годов, так как даже

¹ Ауслендер Сергей Абрамович (1886 – 1943) – прозаик, драматург, будущий член «молодой редакции» журнала «Аполлон», племянник Михаила Кузмина.

² Позняков Николай Степанович (1879 –1941) – балетмейстер, пианист; в то время – танцор «в стиле Дункан».

³ Кузмин М. Дневник 1908 – 1915 / Подгот. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2005. С. 110. Кузмин в зимний период 1908/1909 гг. проживал в Большой Северной Гостинице (Невский пр., 118), будучи временно лишен «постоя» на Башне вследствие размолвки с Вячеславом Ивановым, вызванной, в частности, публикацией его скандальной повести «Двойной наперсник», имевшей прозрачные аллюзии на взаимоотношения реальных лиц из ближайшего окружения хозяина Башни (Подробнее см: *Богомолов Н.А.* Михаил Кузмин и его ранняя проза // Кузмин М. Плавающие путешественники. Романы, повести, рассказы / Сост., предисл. и коммент. Богомолова Н. А. – М., 2000. С. 29 – 33).

⁴ *Богомолов Н.А., Шумихин С.В.* Комментарий // Кузмин М. Дневник 1908 – 1915. С. 620. Тезис об «общезвестном покровительстве» З. Н. Гиппиус юному поэту находим и в монографии о Кузмине: *Богомолов Н. А., Малмстад Д. Э.* Михаил Кузмин. – М., 2013. С. 178.

⁵ *Мандельштам Н.* Собр. соч. в 2 т. Т. 2. «Вторая книга» и другие произведения (1967– 1979) / Ред.-сост. С. Василенко, П. Нерлер, Ю. Фрейдин. Вступ. ст. Ю. Фрейдина. — Екатеринбург (при участии Мандельштамовского общества), 2014. С. 52.

к первой его публикации в «Аполлоне» (август 1910) «декадентская мадонна» никакого отношения не имела. С письменной рекомендацией О.М. как «юнца, в стихи которого что-то попало», она обратится к Валерию Брюсову в «Русскую мысль» только в октябре 1910 года, приняв до этого у «юнца» – через посредничество секретаря Религиозно-философского общества С. П. Каблукова – десять стихотворений, прошедших предварительную «цензуру» последнего.

Вопрос о том, в чем гипотетически могло заключаться ее протектирование О.М. в сезон 1908/1909 гг., мы рассмотрим чуть ниже, а пока зададимся другим: не могло ли имя О.М. ассоциироваться у Кузмина с именем другой Зинаиды, Зинаиды Афанасьевны Венгеровой⁶? Известно, что мать О.М. приходилась (предположительно) дальней родственницей известному библиофилу и историку литературы Семену Афанасьевичу Венгеру и двум его сестрам: Зинаиде и Изабелле⁷. Краткая справка о ее родственных связях с семейством Венгеровых гласит:

«Мать Осипа, Флора Осиповна Вербловская, родилась в Вильно, в еврейской семье, принадлежавшей к среднему классу, которая, как и многие еврейские семьи в Вильно в последние десятилетия XIX века, была русифицирована. Вербловские были тесно связаны с кланом Венгеровых, который включал в себя первую женщину-еврейку в русско-еврейской истории, написавшую свою автобиографию, Паолину Венгеру⁸, и её более прославленных детей, известного историка русской литературы Семёна Афанасьевича Венгерова, Зинаиду Венгеру, литературного критика, и Изабеллу Венгеру, известную пианистку, профессора фортепьяно в СПб консерватории, а затем – в Куртиус-институте в Филадельфии»⁹.

Кузмин с Зинаидой Венгеровой не просто дружил, но и, ввиду своего перманентного безденежья, частенько у нее одалживался – последний раз, судя по дневнику, в конце января 1909 г.¹⁰ Накануне визита к нему О.М. Кузмин получил гонорар за одну из своих книг, о чем «Зинаидин жидок» предположительно мог узнать от той же Зинаиды Венгеровой (судя по всему, Кузмин «выручал» его какой-то денежной суммой, а, возможно, через О.М. возвращал долг своей кредиторше).

⁶ Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867 – 1941) – литературный критик, переводчик с английского. С 1922 г. в эмиграции. На рубеже веков одна из первых начала пропагандировать в России творчество Верлена, Малларме, Рембо и других «проклятых» поэтов. Валерий Брюсов, например, по собственному признанию познакомился с представителями французского символизма именно благодаря ее статье «Поэты-символисты во Франции» (Вестник Европы. 1892. № 9). (Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма / Сост., вступ. ст. Е. В. Ивановой. – М., 2002. С. 235).

⁷ Венгерова Изабелла Афанасьевна (1877 – 1956) – российско-американская пианистка и педагог. В 1907 – 1920 гг. преподавала в Санкт-Петербургской консерватории. С 1923 г. проживала в США.

⁸ См.: Венгерова П. Воспоминания: Мир еврейской женщины в России XIX века. – СПб., 2005.

⁹ Цит. по: Кацис Л. Родословная Осипа Мандельштама // «Сохрани мою речь...». Вып. 4. Ч. 2. – М., 2008. С. 326 – 327.

¹⁰ Кузмин М. Дневник 1908 – 1915. С. 105.

Нам неизвестно, был ли гостиничный визит О.М. к Кузмину первым, или его знакомство с тогда уже скандально известным автором повести «Крылья» состоялось чуть раньше, но у нас есть основания (хотя и зыбкие) предполагать, что Кузмин именно у Венгеровых мог впервые увидеть О.М. еще два года назад, на именинном приеме в честь тридцатилетия младшей сестры С.А. и З.А. Венгеровых, Изабеллы, состоявшемся 17 февраля 1907 года¹¹. В этот же день впервые увидел юного поэта и востановивший знакомство с З. Венгеровой поэт Максимилиан Волошин¹².

Если Кузмин хотя бы мельком видел в этот день О.М., то в таком случае «венгеровский» след происхождения прозвища последнего становится вполне реальным. Однако нельзя сбрасывать со счетов и аргументы в пользу «гиппиусовского» следа: одним из таких аргументов является факт шапочного знакомства Кузмина с членами пресловутого «троебратства» (Д. Философовым, З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковским – осенью 1908 г. они вернулись на родину после почти двухлетнего пребывания в Париже), знакомства, которое состоялось на многолюдном костюмированном вечере у Федора Сологуба в начале января 1909 года, на котором присутствовала, среди прочих, и З. Венгерова¹³. Гипотетически вполне можно допустить, что Философов и Мережковские в беседе с Кузминым так или иначе – и не исключено, что при посредничестве З. Венгеровой, давней подруги Зинаиды Гиппиус, упомянули имя «юного жидка», который осенью-зимой 1908 года нанес им визит (а, может быть, и не один) в Петербурге, о чем нам известно по дневниковым записям С. П. Каблукова. Летом 1910-го, вскоре после знакомства с О.М. на одном из финских курортов, он, в частности, внес в дневник такую запись о своем новом знакомом: «**Бывал он и у Мережковских**, и в Религиозно-философском обществе (Мережковские вошли в Совет Общества осенью 1908 г., сразу по возвращению из-за границы – В.Д.), членом-соревнователем которого числится и теперь»¹⁴ (то есть летом 1910 г.¹⁵). Заметим, что бывать у Мережковских в Петербурге О.М. мог лишь с осени 1908 года по весну 1909-го, поскольку летом

¹¹ В лаконичной и, к сожалению, малоинформативной дневниковой записи Кузмина от 17 февраля 1907 г. читаем: «У Венгеровых были Сомов, Нувель, Бакст и Смирнов. Пили, ели, пели, читали, тушили свет, все целовались. Только бедная Зин<аида> Аф<анасьевна> всё оставалась без партнера» (*Кузмин М. Дневник 1905 – 1907 / Подгот. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. – СПб., 2000. С. 322*).

¹² Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама / Сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгофа, Д. И. Зубарева, Е. И. Лубянской, П. Мицнера. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Интернет-издание, 2019. С. 25. Подробнее см.: *Драницин В. Мандельштам и Волошин: два биографических сюжета // Toronto Slavic Quarterly. 2017. № 62*.

¹³ Подробное описание вечера см.: *Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения / Сост., пер. с нем. К. М. Азадовского. – М., 2008. С. 510 – 511*.

¹⁴ О. Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С.П. Каблукова // Мандельштам О. Камень / Подгот. текста Л. Я. Гинзбург, А. Г. Меца, С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдина. – Л., 1990 (Лит. памятники). С. 241.

¹⁵ Имя О. М. мы находим в списке членов-соревнователей РФО и по состоянию на 1913 год (См.: *Ермичѳв А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907 – 1917): Хроника заседаний. – СПб., 2007. С. 306*).

1909 г. уехал на курорт в Швейцарию и затем на учёбу в Гейдельберг – до весны 1910-го. Из заграничного письма О.М. Волошину известно, что в Гейдельберге, осенью 1909 года, он делал попытку встретиться с Мережковскими, находившимися там проездом, но потерпел неудачу.

Что касается гипотетической беседы Кузмина с Мережковскими на новогоднем балу у Сологуба, то ее вероятность надо признать весьма не высокой: судя по дневнику Кузмина, беседы его удостоил только Дмитрий Философов, а Мережковские к нему, главным образом, только приглядывались – как и он к ним. Алексей Ремизов на следующий день сообщил ему, что Мережковские ожидали увидеть его («порнографа» и «женоненавистника») совсем «другим, не таким печальным»; а Александр Блок вскоре передал ему, что Мережковским на вечере у Сологуба он «будто бы понравился»¹⁶.

Кем представился Кузмину в феврале 1909 г. сам О.М. – протеже одной, или родственником другой именитой Зинаиды, или кем-то еще – остается только догадываться.

Оставив пока без окончательного решения вопрос о том, какой именно из именитых Зинаид он был обязан своим прозвищем, вернемся к вопросу, заданному выше: в чем именно могло заключаться пресловутое протежирование Зинаиды Николаевны юному поэту в сезон 1908/1909 гг., если оно вообще имело место быть.

Мандельштам, некий Ознобишин и «ужас» Зинаиды Гиппиус

Есть некоторые основания предполагать, что первый визит О.М. к членам «троебратства» состоялся еще в Париже, в феврале 1908 г. По крайней мере, такое предположение в свое время высказали первопубликаторы «парижской ажанды» З.Н. Гиппиус, где дата 7 (20) февраля ознаменована следующей записью:

«Завтрачище с Ознобишиным и Мандельштамом (Gentier) у нас. Ужас! Племянница. Дождь. Ринулись мы с Димой (Д. Философовым – В.Д.) и ездили на автомобиле по всему городу»¹⁷.

По предположению первопубликаторов «парижской ажанды», в данной записи речь идет об О.М., который «с конца 1907 до лета 1908 г. жил в Париже, посещая лекции на словесном факультете Сорбонны»¹⁸. Мы здесь исходим из этого же предположения, подчеркивая, однако, что оно имеет сугубо гипотетический характер хотя бы

¹⁶ Кузмин М. Дневник 1908 – 1915. С. 102 – 103.

¹⁷ РГБ. Ф. 743. Карт. 116. Д. 18.

¹⁸ Серков А.И. «Парижская ажанда» Зинаиды Гиппиус // Российская государственная библиотека. Записки отдела рукописей. Вып. 51. – М., 2000. С. 290.

потому, что мы ничего не знаем о «напарнике» О.М., некоем Ознобишине. Едва ли им был, например, царский офицер Дмитрий Иванович Ознобишин (1869 – 1956), адъютант Его Императорского Величества князя Г. М. Романовского, герцога Лейхтенбергского (и внук поэта Д. П. Ознобишина); хотя известно, что в Париже этот офицер вращался в кругах русской и французской художественной богемы. Искусствовед и коллекционер Иван Щукин (1869 – 1907), например, 15 января 1906 г. оповещал художника Александра Бенуа:

«Дмитрий Иванович Ознобишин, которого вы видели как-то у меня и который был товарищем вашего брата по службе, – не зная вашего адреса, просит меня передать вам его приглашение пожаловать к нему запросто к обеду в будущую среду, 7^{1/2} час. У него будет кое-кто из художников, между прочим, Дега, Анкетен и др. Адрес Дм<итрия> Ив<ановича> – 65, b^d de Clichy [бульвар Клиши] (он занимает бывшую мастерскую Жерома¹⁹) <...>»²⁰.

Сделав оговорку, что у нас имеются определенные сомнения в том, что неизвестного нам Ознобишина сопровождал именно О.М., далее мы, тем не менее, именно в рамках этого допущения попытаемся интерпретировать весьма непрозрачный дневниковый пассаж.

«Завтрачище... Ужас...». На что так резко негативно могла отреагировать Гиппиус применительно к О.М. и его напарнику? Может быть, на не совсем адекватное поведение незваных гостей? Может быть, О.М. в гостях у «знаменитостей» «имел наглость вести себя, как власть имущий»²¹? Или, может быть, О.М., не зная обстоятельств скандально незадавшегося прошлогоднего знакомства проповедников «религиозной общественности» и «революционного христовства» с «монархистом» и «декадентом» Николаем Гумилёвым²², мог – опять же гипотетически – вызвать раздражение Мережковских какими-нибудь неосторожными «декадентскими» призна-

¹⁹ Жан-Леон Жером (1824 – 1904) — французский живописец и скульптор.

²⁰ Цит. по: Бенуа А. Дневник 1906 года (Версаль. Париж) // Наше наследие. 2006. № 77. По мнению Н.М. Иванниковой, высказанному в беседе с пишущим эти строки, Д.И. Ознобишина мог сопровождать другой Мандельштам, Андрей Николаевич (1869 – 1949), доктор международного права, востоковед, участник в 1907 г. второй Гаагской конференции мира. Однако никаких следов знакомства этого Мандельштама с Д. И. Ознобишиным, как и следов его пребывания в Париже в 1908 г. мы (пока) не обнаружили. То же самое (об отсутствии следов знакомства с «напарником» и отсутствии следов пребывания в Париже в феврале 1908 г.) можно сказать и о еще одном Мандельштаме – Михаиле Львовиче (1866 – 1938), члене кадетской партии, высланном в конце 1905 года из Москвы за антиправительственную деятельность и с января по сентябрь 1906 г. – до своего возвращения в Россию – проживавшего в Париже. Его фамилия фигурирует в одном из писем Зинаиды Гиппиус к Валерию Брюсову (от 28. IV.1906) – с выраженным «антикадетским impression» адресанта (См.: Переписка З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковско-го, Д. В. Философова с В. Я. Брюсовым (1906–1909) // Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 130).

²¹ В одном из писем Н. А. Струве вдова Мандельштама писала об О.М.: «Вообще, мальчишкой он уже имел наглость вести себя, как власть имущий» (Мандельштам Н. Книга третья. – Париж: YMCA-PRESS, 1987. С. 321). Непонятно, однако, как эта «наглость» сочеталась с той «устанностью», «неврастеничностью» и «робостью», которые отметила в поведении О.М. – вспоминая позже о его визитах – та же Гиппиус.

²² См.: Гумилев Н. Полное собр. соч. в десяти томах. Т. 8. – М., 2007. С. 32 – 33.

ниями: например, в своем увлечении «музыкой жизни» Поля Верлена, или в том, что «связь религии с общественностью» порвалась для него уже в детстве и т. п.²³? Или, может быть, неудовольствие Гиппиус вызвали какие-то высказывания О.М., как-то связанные с загадочным французским словом, поставленным Гиппиус в скобки рядом с именем ее юного гостя?

Это слово (*Gemier*) первопубликаторами «парижской ажанды» в свое время было «дополнено» буквой «п» (*Geminer*) – и переведено с французского как «парочка»²⁴.

Слово *Gemier* между тем, встречается и в записи Гиппиус от 14 (27) февраля: «Они (очевидно, Мережковский, Философов и их тогдашний гость Николай Бердяев – В.Д.) к *Gemier*, а я одна к Лидии Юдиф<овне>»²⁵ (жене Бердяева).

Французский филолог и мандельштамовед Анн Фэвр-Дюпэгр, ознакомившись с оригинальным текстом «парижской ажанды», в беседе с автором этих строк высказала предположение, что слово *Gemier* может означать имя знаменитого французского актера и режиссера того времени Фирмена Жемье (*Firmin Gémier*), который с сентября 1906 года заведовал парижским театром им. Антуана («*Théâtre Antoine*»²⁶), где пытался воплотить свой идеал нового, народного театра, сочетая в своих постановках злободневное содержание с новыми и яркими театральными формами, а острую публицистичность – с сюжетной занимательностью²⁷. Отказ Гиппиус идти к *Gemier* 14 февраля можно предположительно объяснить или ее неприятием реалистического театра Ф. Жемье в целом (хотя иногда там ставились и далекие от «реализма» пьесы, как, например, «Синяя птица» Метерлинка – в 1911 г.), или неприятием конкретного, названного выше, спектакля, предполагаемый положительный отзыв о котором Мандельштама (и его товарища) и мог вызвать, возможно, столь бурную негативную реак-

²³ Любопытно, что от Владимира Гиппиуса – в письме к которому от 14 апреля 1908 г. он не побоялся признаться в своих «декадентских» увлечениях – О.М. утаил почему-то свой визит к Мережковским. Но от Мережковских – зная о родственной связи своего бывшего учителя с Зинаидой Николаевной – О.М. едва ли утаил, кто был его учителем словесности в Тенишевском училище. Что касается Гумилева, то он тоже привел Мережковских в «ужас» – но не столько своими «декадентскими» вкусами, сколько полным равнодушием к злободневным социальным вопросам. В письме Валерию Брюсову от 8 января 1907 г. юный монархист приводил, например, такие, обращенные к нему, слова идеолога «революционного христовства» Д.С. Мережковского: «Вы, голубчик, не туда попали! Вам здесь не место! Знакомство с Вами ничего не даст ни Вам, ни нам. Говорить о пустяках совестно, а в серьезных вопросах мы все равно не сойдемся» (*Там же*. С. 33).

²⁴ См.: Дневники З. Н. Гиппиус. В 2 кн. / Под общей ред. А. Н. Николюкина. – М., 1999. Кн. 2. С. 524. «*Geminer*» перекочевал позже и в собрание сочинений З. Н. Гиппиус (См.: *Гиппиус* З. Собр. соч. Т. 7. Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899 – 1916. – М., 2003. С. 137).

²⁵ РГБ. Ф. 743. Карт. 116. Д. 18. В собр. соч. З. Н. Гиппиус ошибочно напечатано «Они с *Gemier*» (*Гиппиус* З. Собр. соч. Т. 7. С. 138).

²⁶ До этого – с 1897 г. – театром руководил его создатель, французский режиссер и теоретик театра Андре Антуан (1858 – 1943).

²⁷ В 1910 г. Жемье создаст «Национальный передвижной театр», разъезжавший по стране и приобщавший простолюдинов к лучшим образцам французского театрального искусства, а затем, вдохновляемый республиканскими и социалистическими идеалами, создаст и первый «Национальный Народный Театр» в Париже, прославленный позже, в середине XX века, Жаном Виларом и Жераром Филипом.

цию у не отличавшейся вкусовой толерантностью «бабушки русского декадентства», не любившей современного реалистического театра, не поднимавшего искусство (как ей мечталось) над жизнью, а пытавшегося ее лишь «правдиво», фотографически отображать. По этой же причине в России она (по собственному признанию) «совсем не могла ходить» в МХТ²⁸.

Имя Жемье чете Мережковских (как и Мандельштаму?) могло быть известно и до их приезда в Париж, поскольку актер в январе 1904 года был на гастролях в Санкт-Петербургском Михайловском театре²⁹. В конце 1907 года Жемье представлял парижской публике пьесу «Шерлок Холмс» французского драматурга Пьера Декурселя (по мотивам произведений Артура Конан Дойла), в которой сам играл главную роль. Премьера состоялась 20 декабря 1907 года, и спектакль шёл с большим успехом (выдержав более 330 представлений) до сентября 1908 года³⁰.

Гиппиус, посещавшая, как показывает ее записная книжка, многие известные места Парижа (Елисейские поля, Версаль, шикарный магазин Галери Лафайет на «Бульварах» и пр. – избегая лишь «мерзостного» Монмартра), тем не менее посетила один раз Théâtre-Français. В ее записной книжке Гиппиус от 17 (30) апреля 1908 года читаем, например: «Вечером мы с Димой в театре – “le Roi” смотрели»³¹.

Добавим к этому, что пьеса Гюго (после премьеры в 1832 году запрещенная цензурой за «подрыв авторитета королевской власти»³²) могла привлечь внимание двух борцов с русским самодержавием не столько своими художественными достоинствами, сколько своим революционным антироялистским содержанием. Здесь уместно будет напомнить, что в Париже члены «троебратства» написали, кроме всего прочего, «символическую драму» о революции 1905 года «Маков цвет», а Мережковский – закончил пьесу «Павел I», которая в России будет конфискована цензурой, а ее автор вместе с издателем М. В. Пирожковым будет привлечен к суду за «дерзостное неуважение к верховной власти».

Что касается вышеупомянутого визита Мережковского и К^о к Gémier, то он мог быть связан совсем не обязательно с посещением спектакля: вполне возможно,

²⁸ Крайний А. Слово о театре // Новый путь. 1903. № 8.

²⁹ Гастроли прошли столь успешно, что директор императорских театров В. А. Теляковский даже предложил Жемье возглавить французскую труппу в С.-Петербурге, на что актер ответил отказом (Жемье Ф. Театр. Беседы, собранные Полем Гзеллем. – М., 1958. С. 18).

³⁰ Любопытно, что на русской сцене эта постановка была осуществлена осенью-зимой того же 1908 г. – в московском театре «Аквариум» (будущий Театр им. Моссавета) (См.: Новости сезона. 1908. 27/28 декабря. № 1669).

³¹ По предположению А. Фэвр-Дюпегр, речь здесь идет о пьесе В. Гюго «LeRois'amuse», шедшей в «Комеди Франсез» уже несколько десятков лет.

³² Пьеса была вновь поставлена только в 1882 г. (уже после восстановления республики) в той же «Комеди Франсез» с Жаном Мунэ-Сюлли в роли короля Франциска I.

что Мережковский отправился к Жемье с предложением о постановке в театре Антуана его пьесы о Павле I. Известно, что с подобным предложением он обращался – через посредников – и к Андре Антуану. «Если Антуан откажет, – писал он накануне отъезда на родину своей парижской знакомой С. Г. Балаховской-Пети³³, – уприсите Picard’a³⁴, чтобы он попробовал в другом театре»³⁵.

Что касается Мандельштама, то мы можем расширить, таким образом – если гипотеза Анн Фэвр-Дюпегр верна – круг известных нам и достаточно пестрых парижских увлечений юного поэта и его интересом к современным достижениям в области западного театрального искусства³⁶.

«Штаб-квартира революции»

Какими бы искусствами О.М. в Париже ни увлекался, и чем бы ни привел в «ужас» З. Н. Гиппиус, едва ли к «знаменитостям» он явился в качестве любителя театральных зрелищ и даже едва ли в качестве начинающего поэта (имевшего в своем активе пока лишь несколько гимназических стихов³⁷).

Много позже О.М. скажет на Лубянке, что увлечение в 1908 году новейшей французской поэзией и искусством в целом «отодвинуло на задний план» его политические увлечения³⁸, однако нельзя забывать, что осенью 1907 года он уезжал в Париж «эсером», едва не вступившим накануне, вместе со своим другом Борисом Синани, в Боевую организацию этой партии³⁹.

Известно, что в парижскую квартиру Мережковских – на «субботы» – стекались в то время преимущественно русские эмигранты-революционеры, революционеры-народники, «бомбисты» и другие «товарищи». Судя по ежедневнику З. Н. Гиппиус, за

³³ Пети Софья Григорьевна (урожд. Балаховская; 1870 – 1966) – писательница, адвокат, супруга французского политического деятеля Е. Ю. Пети (1871 – 1938).

³⁴ Пикар Эдмонд (1836 – 1924) – бельгийский сенатор, драматург, противник школы «искусства для искусства».

³⁵ См.: Письма Д. С. Мережковского к супругам Пети / Публ. Р. Нежинской // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 110 – 112.

³⁶ Добавим к этому и свидетельство младшего брата поэта, Евгения Мандельштама: «Париж открыл перед ним необъятные возможности приобщения к прекрасному в области искусства и культуры. Он слушал лекции в Сорбонне, знакомился с музеями и архитектурными памятниками» (*Мандельштам Е. Э. Воспоминания* / Публ. Е. П. Зенкевича, прим. А.Г. Меца // Новый мир. № 10. 1995. С. 134).

³⁷ Несколько стихов 1908 года, аутентичность датировки которых у специалистов вызывает большие сомнения, О.М. опубликует лишь в 1916 г., в составе второго «Камня».

³⁸ *Нерлер П.Н.* Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. С. 46.

³⁹ «Под влиянием Бориса Синани он поверил, что “слава была в б. о.”, – свидетельствовала со слов мужа Н. Я. Мандельштам, – и даже просился в террористы (для этого ездил в Райволу, как рассказано в “Шуме времени”, но не был взят по малолетству)» (*Мандельштам Н.* Собр. соч. в двух томах. Т. 2: «Вторая книга» и другие произведения. С. 44).

три недели до О.М. – в числе «массы народу» – Мережковских посетил и еще один юный член партии эсеров, обозначенный в дневнике Гиппиус как «Миша Д.(Карпович)» (запись от 19 января 1908 г. по ст. ст.), являвшийся, что впервые было отмечено первопубликаторами «парижской ажанды»⁴⁰, парижским приятелем юного поэта, Михаилом Карповичем, с которым О.М. вместе ходил «на концерты, выставки и лекции»⁴¹.

Парижская квартира Мережковских, по словам жившего тогда в Париже художника Александра Бенуа, представляла собой в то время «нечто вроде штаб-квартиры революции, куда заходили всевозможные персонажи революционного вероисповедания»⁴².

«Зиночка, – по свидетельству Бенуа, – изящно кокетничала с разными парламентными заговорщиками, и среди них с самим Савинковым», обсуждая с известным «бомбистом», между прочим, свою заветную в то время тему праведности революционного насилия во имя «святой правды дела», тему правды «человека, убивающего умирая (иначе говоря, бомбиста-террориста – В.Д.), в муках души между “нельзя – надо”»⁴³.

Что касается Д.С. Мережковского, то он, несмотря на тогдашнее общее состояние «растерянности и хаоса» в эмигрантской среде, неизменно продолжал верить в пресловутый «религиозный смысл» будущей русской революции и в то, что в России эту революцию будут вершить люди с «христианским сознанием».

Встречаясь в Париже с революционерами-эмигрантами, он свято верил в то, например, что «наводит мосты» между русским освободительным движением и «религиозными судьбами России», а самих революционеров называл «лучшими русскими людьми, каких встречал за всю свою жизнь»⁴⁴.

⁴⁰ См.: Серков А.И. Указ. соч. С. 287.

⁴¹ Карпович М. Мое знакомство с Манделъштамом // Осип Манделъштам и его время / Сост. В. Крейд и Е. Нечепорук. – М., 1995. С. 40. Карпович Михаил Михайлович (1888 – 1959) – в будущем профессор русской истории Гарвардского университета и редактор нью-йоркского «Нового журнала». В учебный сезон 1907/1908 гг. он, как и О.М., был вольным слушателем лекций в Сорбонне.

⁴² Бенуа А.Н. Мои воспоминания: В 2 кн. – М., 2005. Кн. 2. С. 1461. Встреча с Мережковскими Николая Гумилева в январе 1907 г. закончилась полным афронтом для последнего не в последнюю очередь, между прочим, по причине абсолютного политического индифферентизма «молодого монархиста».

⁴³ Крайний А. Толстой и Плеханов // Русская мысль. 1908. № 2. В лице Бориса Савинкова «утилитаристы» Мережковские – как их окрестил Николай Бердяев после окончательного с ними разрыва в том же 1908 г. – видели какое-то время «волевою натурою», которая могла бы им помочь в строительстве их «Новой Церкви», в чем тем же «неволевым» Бердяевым – сопряжение Христа с революцией считавшим безусловным кощунством – им было категорически отказано (См.: Письма Николая Бердяева // Минувшее. Исторический альманах. [Т.] 9. – М., 1992. С. 319 – 320).

⁴⁴ Цит. по: Соболев А.Л. Мережковские в Париже (1906 – 1908) // Лица. Биографический альманах. [Вып.] 1. М.; СПб., 1992. С. 353.

Его супруга подобное отношение к революционерам-эмигрантам разделяла всецело.

«Ей-Богу, “товарищи” из Чухломы приятнее “декадентов” из Петербурга, – писала она в это время Валерию Брюсову, – <...> все эти грубые “Каины” и “Помпеи”, юные жидки, приходящие к нам с какими-то безумными мессианскими мечтами, эс-эры с “эмпириокритицизмом”, матросы-мошенники, анархисты-идеалисты и т. д. – сейчас они мне любопытнее»⁴⁵.

«Юным жидком» – если и не одержимым «безумными мессианскими мечтами», то, как минимум, «революционного вероисповедания» – видимо, и предстал перед Мережковскими О.М., недавний «законченный марксист», а затем эсер, совсем ещё не «стыдящийся своей прежней революционной деятельности». Достаточно вспомнить, как он стоя – как гимн – слушал в марте 1908 года речь «бомбиста» Бориса Савинкова на собрании памяти организатора и руководителя Боевой организации партии эсеров Григория Гершуни, «личность и судьба» которого, по словам Михаила Карповича, так его восхищали.

Следующий визит О.М. к Мережковским состоялся уже в Петербурге, осенью-зимой 1908 г., о чем, как было сказано выше, нам известно по дневниковым записям С.П. Каблукова, который, кроме всего прочего, летом 1910 г. отметил, что О.М. «теперь стыдится своей прежней революционной деятельности и призванием своим считает поприще лирического поэта. Его стихи были приветствуемы Вячеславом Ивановым»⁴⁶.

Осенью 1908 года, в Петербурге, О.М., судя по всему, предстал перед З. Н. Гиппиус уже не в качестве потенциального «бомбиста», а в качестве вполне миролюбивого «лирического поэта», который, как она выразилась в позднем письме Брюсову, в этом качестве «еще плел детские лапти», но которого она вполне могла – не обещая покуда никакой реальной протекции – обнадежить, как минимум, не отрицательным приватным отзывом о его стихах (в противном случае О.М. едва ли обратился бы к ней за протекцией спустя два года, осенью 1910 г.). Кроме этого, З.Н. Гиппиус, судя по вышеприведённой дневниковой записи Каблукова, вполне могла оказать О.М. протекцию и другого рода: помочь «юнцу» оформиться в «члены-соревнователи» Религиозно-Философского Общества, куда, по свидетельству В. В. Розанова, одного из его

⁴⁵ Переписка З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, Д.В. Filosofova с В.Я. Брюсовым (1906 – 1908). С. 160, 167.

⁴⁶ О. Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С.П. Каблукова. С. 241

тогда еще «действительных членов», нельзя было проникнуть – по крайней мере до сезона 1908/1909 гг. – по «заячьему» билету:

«Собрания были <...> “закрытыми”, на них можно было попасть только по повестке, а повестки рассылались только действительным членам и членам-посетителям общества. В число последних, с крайнею критикою, вносились только имена лиц, предварительно письменно сообщавших Совету Общества о своем желании посещать собрания и, непременно, об основательности к допущению – в качестве или списка философских, богословских или литературных трудов, или указания на теоретические запросы в области религии. Без указания подобных мотивов все простые просьбы, устные или письменные, всегда, безусловно, отвергались в 1902, 1903 и 1907 – 1908 гг.»⁴⁷.

О.М. «крайней критике» в качестве претендента на членство в РФО, судя по всему, не подвергался, к тому же с сезона 1908/1909 годов состав Общества заметно демократизировался благодаря снятию прежних цензовых требований: «Для избрания в члены Религиозно-философского Общества не требуется ценза, оно зависит от совета», – оповещал, например, Александр Блок одну из своих корреспонденток в ноябре 1909 года⁴⁸.

А публицист-неонародник Иванов-Разумник⁴⁹, априори полагававший, что все попытки «мертвого» проповедника Мережковского «возродить христианство обречены на провал» – но не избежавший при этом искушения лично потешиться «религиозным блудом» на нескольких заседаниях РФО – в одной из статей не просто отметит среди его членов случайных и скучающих молодых людей и девиц («вроде гимназисток и других школьников»⁵⁰, что с неодобрением отметит и тогдашний секретарь РФО), но и ехидно пожалеет «проповедника» за такую «паству»:

«Скучно и вяло проходят заседания этого общества; но заседания эти вошли в моду, и в известном круге “принято” бывать на них. Всегда бросается в глаза группа модернистского вида дам и девиц и корректных кавалеров, которым “религия” так же интересна, как любая театральная премьера: интерес минуты, интерес моды <...>. Если этот интеллигентский plebs, в былое время занимавшийся декадентством и модернизмом, а ныне решившийся “заняться” от скуки религией,

⁴⁷ Розанов В.В. Между тьмою и светом // Новое время. 1908. № 11741. 17 ноября.

⁴⁸ Неучтенное письмо Блока / Публ. Р.Д. Тименчика // Новое литературное обозрение. 1994. № 7. С. 240.

⁴⁹ Наст. имя и фамилия: Разумник Васильевич Иванов (1878 – 1946).

⁵⁰ Впрочем, Александр Блок еще в 1907 году отметил присутствие на заседаниях не только «ступолобых попов, лоснящихся от самодовольного жира» и полемизирующих с ними «ехидных интеллигентов, посевших в спорах о Христе и антихристе», но и чьих-то «дочерей и своячениц в приличных кофточках» (Блок А. Литературные итоги 1907 года // Золотое Руно. 1907. № 11/12).

– если этот духовный plebs и есть паства Д. Мережковского, то как же должен страдать этот проповедник при виде того, кто его слушает»⁵¹.

На ту же тему в другой статье:

«...Искать Бога своего в бесконечном толчении слов, в упорном повторении все тех же словесных схем – вот, поистине, хула против духа, которая не простится. Когда присутствуешь на заседаниях религиозно-философского общества, слышишь толчею “божественных” слов, этот упорный и длительный грех против третьей заповеди, постоянное произнесение имени Божьего всуе, – то невольно и с глубоким сочувствием вспоминаешь обычную фразу одного из “старых декадентов”, подлинно ушедшего в народ А. Добролюбова. “Помолчим, брат!” – часто говорит он собеседнику, утомленный обилием ненужных слов. Так рассказывает о своей беседе с А. Добролюбовым как раз Д. Мережковский... Что, если бы этот нашедший своего Бога человек попал хоть на одно заседание Религиозно-философского общества!»⁵².

«Я не хочу говорить о Боге, потому что берегу Его, – запишет в дневнике, после одного из заседаний РФО (ноябрь 1908 г.), член его совета Михаил Пришвин, – берегите Бога, когда Его назовете – останется сушь»⁵³.

Мы не знаем, был ли знаком О.М. с данными размышлениями Иванова-Разумника и Пришвина о «хуле против духа», но одно из его стихотворений рубежа 1910-х годов, попавшее, кстати, в число «избранных» Зинаидой Гиппиус (см. ниже), вполне им созвучно:

*Образ твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязать.
“Господи!” – сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.*

*Божье имя, как большая птица,
Вылетело из моей груди!
Впереди густой туман клубится,
И пустая клетка позади...⁵⁴*

«Вскоре Гиппиус прочла его стихи...»

⁵¹ Иванов-Разумник. Мертвое мастерство (1911) // Он же. Творчество и критика. – СПб., 1912; См. также: Иванов-Разумник. Клопные шкурки // Заветы. 1913. № 2. Паг. II. С. 108.

⁵² Иванов-Разумник. Заветное. О культурной традиции. Статьи 1912 – 1913 гг. – Пг., 1922. С. 111 – 112.

⁵³ Пришвин М. Ранний дневник 1905 – 1913 / Подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной. – СПб., 2007. С. 185. Весьма критично к деятельности РФО относился и Александр Блок, находя, что «там больше занимаются блудословием, чем богословием, и нецеломудренно играют высокими и красивыми фразами и мыслями» (Гофман М. Петербургские воспоминания // Новый журнал. 1955. № 43. С. 121).

⁵⁴ Гиперборей. 1912. № 1. С. 21.

С протекцией О.М. как «юнца, в стихи которого что-то попало», Зинаида Николаевна, как было сказано выше, обратилась к Валерию Брюсову в «Русскую мысль» только в октябре 1910 года (уже после первой публикации О.М. в «Аполлоне»), приняв до этого у него – при посредничестве секретаря РФО С.П. Каблукова – десять стихотворений, прошедших предварительную цензуру последнего⁵⁵.

Брюсову 25 октября 1910 года она напишет:

«Дорогой Валерий Яковлевич. Некий неврастенический жидёнок, который года два тому назад (отметим: осенью 1908 г. – В.Д.) ещё плёл детские лапти, ныне как-то развился и бывают у него приличные строки. Он приходил ко мне с просьбой рекомендовать его стихи Вашему вниманию. Я его не приняла (уж очень он устанный), но стихи велела оставить, прочла и нахожу, что “вниманию” Вашему рекомендовать я их могу, а что Вы дальше будете с ними делать – это меня уже не трогает, и Вы лучше знаете. У него в прошлом году были в “Аполлоне” тоже ничего себе стихи (на самом деле первая публикация О.М. в “Аполлоне” состоялась два месяца назад, в августе 1910 г. – В.Д.). В стихе, на мой взгляд, много невыдержанностей, и “роковисто”, но попадаются недурные строки».

И в конце письма напоминала: «Ну, до свидания, поглядите все-таки жиденочка»⁵⁶.

Данной протекцией О.М. был обязан не только Зинаиде Гиппиус, но и всё тому же Каблукову: «Я просил Зин<аиду> Ник <олаевну> Гиппиус обратить внимание на его стихи и дать ему рекомендацию в “Русскую Мысль”, т.е. к Брюсову, – записал Каблуков в дневнике 24 октября 1910 г. – Сегодня он читал мне те из своих 44 стихотворений, которые он намерен послать ей. Их 10 – все мною одобрены»⁵⁷.

А.А. Морозов, комментируя в своё время дневник Каблукова, выдвинул на основании вышеприведенной записи предположение, что осенью 1910 года О.М. не ходил к Гиппиус, а лишь **послал** ей стихи⁵⁸. Однако не доверять эпистолярному свидетельству Зинаиды Николаевны у нас в данном случае нет никаких оснований. Уз-

⁵⁵ Анализ этих стихотворений – на впервые зазвучавшую у Мандельштама религиозную тематику – выходит за рамки данного очерка. Заметим лишь, что в целом стихотворения О.М. середины 1910-го – начала 1911 г. и по «мироощущению», и по лексике разительно отличались от написанных годом ранее в Гейдельберге. «Натюрмортная» лирика О.М. образца 1909 гола строилась преимущественно на системе «парнасских» пейзажно-декоративных образов («упоённые кристаллы», «искусственные розы», «искусственные небеса», «тонкий тлен», «выхоленный изумруд» и т. п.). В новых стихотворениях внешние «красивости» уступили место горьким душевным излияниям лирического героя-романтика в обрамлении образов сугубо религиозных (*Господь, Иудея, церковь, святые, монахи, распятый, распятые, вера, тернии* и т. п.).

⁵⁶ Мец А.Г. Комментарий // Мандельштам О. Камень. С. 359; РГБ. Ф. 386. Карт. 82. Д. 41. Л. 29-30.

⁵⁷ О. Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С.П. Каблукова. С. 242.

⁵⁸ Морозов А.А. Мандельштам в записях дневника С. П. Каблукова // Литературное обозрение. 1991. № 1. С.

нав о том, что Каблуков уже замолвил за него словечко, О.М., очевидно, просто решил не терять времени даром и в тот же день нанес визит Мережковским.

Что касается Валерия Брюсова, то он, получив рекомендательное письмо Зинаиды Гиппиус с приложенными к нему стихотворениями «жидка», «приличных строк» в последних не обнаружил и к публикации их не принял.

Стихи О.М. – как слишком «незначительные» – Брюсов не будет печатать в «Русской мысли» и позже: в 1911 – 1912 годах – пока будет лично заведовать литературно-критическим отделом журнала. А в 1913 году он «не заметит» выхода первого мандельштамовского «Камня» и не упомянет имени О.М. ни в своей критической статье об акмеизме, ни в обзорной статье «Год русской поэзии», опубликованной в № 5-7 «Русской мысли» за 1914 год.

На звучавшие упреки в «беспощадном отношении» к молодым поэтам он ответит в начале 1910-х годов в статье «Будущее русской поэзии»:

«Истинный поэт или должен чувствовать сильно, глубоко, по-своему, открывать новый мир души (пример: ранние стихи К. Бальмонта), или мыслить оригинально, видеть в явлениях то, что другие в них не видят. Еще лучше, если поэт одновременно и страстно чувствует, и смело мыслит (пример: Баратынский, не говоря о царе всех наших поэтов – Пушкине). Но на что могут быть нужны виртуозные изложения общих мест, новые вариации на темы, разработанные давно, стихотворные рукоделия, к которым сводится наша молодая поэзия?»⁵⁹.

В одной из его не опубликованных при жизни статей на ту же тему читаем: «Право на существование имеют лишь те поэты, которые вносят что-то новое в область поэзии. Перепеватели чужого, хотя бы и искренние, не нужны. Я считаю себя вправе решительно отвергать стихи тех молодых поэтов, в которых не чувствую будущего истинного поэта»⁶⁰.

Позиция Брюсова в случае с О.М. была тем более непримиримой, что он – не лишенный, кроме прочего, антисемитских предубеждений – юного поэта, без всякого сомнения, считал «перепевателем» в первую очередь своего собственного творчества⁶¹.

Осенний (1910 года) визит О.М. к Мережковским оказался, видимо, последним в его жизни. Н.Я. Мандельштам в своих мемуарах, «точно передавая рассказ Ман-

⁵⁹ Брюсов В. Собр. соч. в семи томах. – М., 1973 – 1975. Т. 6. С. 373.

⁶⁰ Брюсов В. «Об отношении к молодым поэтам» / Публ. Т. В. Анчуговой // Лит. наследство. Т. 85. – М., 1976. С. 205.

⁶¹ Ср.: «Стоит ли удивляться обилию сознательных и бессознательных реминисценций из Брюсова в стихах Мандельштама-символиста, если поэтический вкус юного поэта (да и большинства поэтов его поколения – В.Д.) был в немалой степени сформирован именно Брюсовым?» (Лекманов О. Книга об акмеизме и другие работы. – Томск, 2000. С. 99).

дельштама» об этом визите, в то же время не совсем точно описывает последующую реакцию З. Н. Гиппиус на стихи юного поэта:

«Однажды Мандельштам без всякого предупреждения пришел к Мережковским. К нему вышла Зинаида Гиппиус и сказала, что, если он будет писать хорошие стихи, ей об этом сообщат; тогда она с ним поговорит, а пока что – не стоит, потому что ни из кого не выходит толку. Мандельштам молча выслушал и ушел (О.М. “в годах”, что называется, пронес этот, обидевший его, вердикт: “Если Вы напишите хорошее – нам скажут”⁶² – В.Д.). Вскоре Гиппиус прочла его стихи и много раз через разных людей звала его прийти, но он заупрямился и так и не пришел. Это не помешало Гиппиус всячески проталкивать Мандельштама. Она писала о нем Брюсову и многим другим, и в её кругу Мандельштама стали называть “Зинаидин жидёнок”»⁶³.

Как мы видели выше, это прозвище Мандельштам получил двумя годами раньше и, не исключено, что «благодаря» совсем другой, не менее «влиятельной», Зинаиде (как мы предположили выше), что, впрочем, ничуть не преуменьшает роли З. Н. Гиппиус в его жизни в данный период.

Что касается утверждений Н.Я. Мандельштам о том, что Гиппиус «много раз» потом звала к себе О.М., «всячески проталкивала» его, писала о нем не только Брюсову, но и «многим другим» – то все они отдают явной мифологией, поскольку и в 1913 г., после выхода «Камня», стихи О.М. не получают от Зинаиды Николаевны оценки выше, чем приватное «так себе»: «<...> Мандельштама я получила, спасибо, хотя я им продолжаю не быть очарованной, – оповещала она Сергея Каблукова. – Очень и очень “так себе”. Чем он Вас пленил? Я читаю старые книги, опротивел модерн»⁶⁴.

В собрании поэтессы М.М. Шкапской (1891 – 1952), в ее альбоме, сохранилась эпиграмма Гиппиус на Сергея Каблукова и О.М., ядовито обыгрывающая вторую строфу лермонтовского «Нищего»:

*Раз петербургский старожил
Решил стихом развеять скуку,
И кто-то “Камень” положил
В его протянутую руку⁶⁵.*

Но нельзя, однако, не отметить того, что спустя четыре года в сборник «Восемьдесят восемь современных стихотворений, избранных З. Н. Гиппиус» (Пг., 1917), наря-

⁶² О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935 – 1936) / Публ. и подгот. текста Л. Н. Ивановой и А. Г. Меца // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. – СПб., 1997. С. 180.

⁶³ Мандельштам Н. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. С. 52.

⁶⁴ Морозов А.А. Мандельштам в записях дневника.... С. 82.

⁶⁵ Мец А.Г. Комментарий // Мандельштам О. Камень. С. 361.

ду с одиннадцатью стихотворениями Федора Сологуба, десятью Александра Блока, шестью Анны Ахматовой, тремя Валерия Брюсова и т. д. – Гиппиус включила-таки и три стихотворения О.М. («Образ твой, мучительный и зыбкий», «В огромном омуте прозрачно и темно», «О временах простых и грубых»). Последнее стихотворение – наряду еще с двумя из условного «римского» цикла – при посредничестве того же Каблукова было опубликовано ею ранее и в журнале «Голос жизни» (1915. № 14) – причем, как отметил Н. А. Богомолов, не без политической подоплеки: «виртуальный цикл Мандельштама “Рим” должен был представлять “западническую” точку зрения»⁶⁶ в тогдашней полемике военного времени между условными западниками и славянофилами.

Уже в эмиграции, в одном из мемуарных очерков, историю своего «протектирования» О.М. Гиппиус представила в достаточно вольной и изрядно припудренной интерпретации, позволив себе «забыть» о визитах «юнца» в 1908-1909 гг., про рекомендации Каблукова и прочие невыигрышные подробности, не добавлявшие плюсов к ее образу «чуткой» покровительницы юных талантов:

«Кто-то прислал ко мне юного поэта, маленького, тёмненького, сутулого, такого скромного, такого робкого, что он читал едва слышно, и руки у него были мокрые и холодные»⁶⁷. Ничего о нём раньше мы не знали. Кто его прислал – не помню (может быть, он сам пришёл), к юным поэтам я имею большое недоверие, стихи его были далеко не совершенны, и – мне всё-таки, с несомненностью, показалось, что они не совсем в ряд тех, которые приходится десятками слушать каждый день (приходилось бы сотнями, не положи я предела).

В стихи этого юнца “что-то попало”, как мы тогда выражались.

Решаю про себя, что мальчик не без способностей, и вызываю (в первый раз в жизни, кажется, без просьбы) где-нибудь напечатать стихи: “В ‘Русской мысли’, например, – я пошлю их Брюсову”.

Ответ получился не очень скоро, и даже, между прочим, в письме по другому поводу. Ответ насмешливый, небрежный и грубоватый: что до Вашего юнца “со способностями”, то таких юнцов с такими же, и даже большими, способно-

⁶⁶ Богомолов Н.А. Об актуальном контексте одного цикла О.Мандельштама // Созидаящая верность: К 90-летию А.А. Тахо-Годи / Отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. – М., 2012. = www.losev-library.ru

⁶⁷ Интересно, каким образом З.Н. Гиппиус это определила: может быть, О.М. брал её «надушенную ручку» для поцелуя? Парнок в «Египетской марке», в мечтах стать взрослым, «как все», размышляет: «И ручки дамам он тогда бросит целовать. Хватит с них! Тоже, проклятые, завели Трианон... Иная лахудра, бабище, облезлая кошка, сует к губам лапу, а он, по старой памяти, – чмок! Довольно. Собачьей молодости надо положить конец...». Ср. у В. В. Розанова в «Опавших листьях» (1915): «Это, в сущности, гнусная манера мужчин “подходить к ручке”. <...> И я не мог отстать от этой гадости. И от многих таких же гадостей и сору» (Розанов В.В. О себе и жизни своей / Сост. В. Г. Сукача. – М., 1990. С. 471).

*стями у меня слишком достаточно и в Москве. Советую этому не печататься...
Еще что-то было в том же роде, если не хуже.*

*Однако из юнца вышел, и необыкновенно скоро, – поэт, во всяком случае
всеми за такового признаваемый, и даже по тщательности формы, по отделке ее,
поэт в сорте Брюсова. Это был О. Мандельштам»⁶⁸.*

Похоже, что своей поздней интерпретацией истории с «признанием» юного таланта Зинаида Николаевна пыталась убить сразу двух зайцев: во-первых, ей хотелось продемонстрировать себя литературной эмиграции как поэта «со вкусом и чутьем» к юным дарованиям, а, во-вторых, выставить поэтом без оных талантов своего тогдашнего политического врага, «большевика» Валерия Брюсова, которого она объявила в своем очерке покойником еще при жизни. Гиппиус, в частности, утверждала, что Брюсову и в его лучшие годы были, якобы, присущи «мертвенность души, мысли и сердца»⁶⁹. И это утверждалось, заметим, едва ли не о самом «задушевном» ее корреспонденте 1900-х годов, которому она в своих письмах любила сетовать на «мертвенность» души собственной.

II

Вячеслав Иванов и «дело» Мандельштама: об истории появления юного поэта на «Башне» и об одном «эдиционном» артефакте его биографии

Если на клетке слона прочтешь
надпись “буйвол”, не верь глазам своим.
Козьма Прутков «Плоды раздумья»

В начале марта 1909 года группа молодых поэтов: Николай Гумилев, Алексей Толстой и Петр Потемкин, – осознавших «недостаточное владение своим ремеслом»⁷⁰, – обратилась к Вячеславу Иванову, как одному из тогдашних «верховных авторитетов» в вопросах классической поэтики, с просьбой прочитать для них курс лекций по теории стихосложения. «Прирожденного учителя и наставника», имевшего склонность к «водительству» юными душами, долго уговаривать не пришлось: той же весной 1909 года

⁶⁸ Гиппиус З. Живые лица: В 2 кн. – Тбилиси, 1991. Кн. 2. С. 49.

⁶⁹ Там же. С. 51.

⁷⁰ «Они посетили следующих трех “мэтров”: Вячеслава Иванова, Максимилиана Волошина (еще далеко не признанного в ту пору!) и пожилого, но стоявшего вдалеке от широких литературных путей – И. Ф. Анненского. Всех трех поэтов “молодые” попросили прочесть по циклу лекций на тему о поэзии; лекции последних двух почему-то не состоялись...» (*Пяст Вл. Встречи / Сост., вступ. ст., науч. подгот. текста, коммент. Р. Тименчика. – М., 1997. С. 100*).

в знаменитой Башне (в четырехкомнатной квартире Иванова на шестом этаже – с выходом на крышу – в доме на углу Таврической и Тверской улиц) состоялось восемь заседаний импровизированной «Академии стиха» (Осенью занятия были продолжены уже в редакции нового журнала «Аполлон» – и под эгидой официально учрежденного «Общества ревнителей художественного слова»)⁷¹.

«Башенная гофманиана»

О.М. впервые появился на Башне 23 апреля 1909 года, на пятом заседании «Академии», что документально подтверждено записью из протокола этого заседания (в угловых скобках – предположительная расшифровка имен публикатора протоколов, М.Л. Гаспарова):

«5-ое заседание. 23 апреля 1909. Присутствуют Боро<даевский?>, Загорский, Мендельсон <=Мандельштам>, Беляевск<ая? ие?>, Дмитриева, Гюнтер, Ивойлов, Мосолов, Потемкин, Толстой, жена его, Ремизовы, Евг. Ан. Герцык, Евг. Каз. Герцык, А. Р. <Мицлова?>»⁷².

Об «академических» занятиях О.М. мог узнать, предположительно, от Николая Гумилева или Максимилиана Волошина, с которыми познакомился накануне в Петербурге, хотя нельзя исключить и того, что он ничего об «академических» занятиях не знал, поскольку в противном случае явился бы к Иванову, очевидно, в сопровождении своих новых знакомых (Волошин, впрочем, к этому времени уже уехал в Коктебель, а Гумилев, несмотря на отсутствие его имени в вышеприведенном списке, на пятом заседании присутствовал – в протоколе зафиксирована его реплика «о чередовании рифм»⁷³). Переводчица Евгения Казимировна Герцык, присутствовавшая на пятом заседании, пишет в своих воспоминаниях, что юного поэта привела к мэтру бабушка: «Бабушка привела внука на суд к Вячеславу Иванову, и мы очень веселились на эту поэтову бабушку и на самого мальчика Мандельштама, читавшего четкие фарфоровые стихи»⁷⁴. В семье Мандельштамов жила бабушка О.М. по материнской линии, Софья Григорьевна (Раша-Ита Гиршевна Вербловская; ? – 1917), портрет которой в

⁷¹ В «Академии» Вячеслав Иванов предстал перед своими слушателями в ипостаси, главным образом, специалиста по античному стихосложению: «На “башне” появилась большая аспидная доска, – вспоминал Владимир Пяст, – мел в руках лектора, слышались звуки “божественной эллинской речи”: раскрылись тайны анапестов, пеонов и эпитритов. <...> Все это ожило и в музыке русских, как классических, так и современных стихов» (*Там же*).

⁷² Гаспаров М.Л. Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г. // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 94.

⁷³ Там же. С. 95.

⁷⁴ Герцык Е. Лики и образы / Сост., авт. предисл. и коммент. Т. Н. Жуковская. – М., 2007. С. 174.

домашнем интерьере запечатлел в «Петербургских зимах» Георгий Иванов: «Девяностолетняя высохшая бабушка, с тройными очками на носу, сгорбленная над Библией: высчитывает сроки пришествия Мессии...»⁷⁵. Весьма сомнительно, чтобы женщина столь преклонных лет взялась сопровождать своего внука на шестой этаж «Башни» (даже при наличии лифта до пятого). Куда вероятнее, что «академисты» за «бабушку» приняли мать О.М., Флору Осиповну Вербловскую, выглядевшую в свои сорок два, судя по сохранившимся фотографиям, значительно старше своих лет⁷⁶.

«С Вячеславом Ивановым Мандельштама еще до отъезда за границу (то есть до августа 1909 г. – *В.Д.*) познакомила, вероятно, мать или Венгерovy», – читаем в мемуарах Н. Я. Мандельштам⁷⁷. При этом возможное посредничество какой-либо «бабушки» в знакомстве О.М. с Ивановым вдова поэта категорически отвергла: «Очевидно, [“бабушкой”] была какая-то пожилая женщина, любившая стихи молодого поэта, но в его жизни не участвовавшая. Кто она, я не знаю»⁷⁸.

Посредниками между матерью О.М. и Ивановым могли быть как Семен Афанасьевич Венгерov, так и Зинаида Афанасьевна Венгерова, поскольку оба поддерживали с ним тесные деловые связи. С Венгерovым «Вячеслав Великолепный» познакомился в конце 1904 года, когда тот готовил к изданию собрание сочинений Байрона – тогда Иванов был ему рекомендован Валерием Брюсовым в качестве высокопрофессионального переводчика⁷⁹. Что касается Зинаиды Венгеровой, то она посещала в Париже лекции Иванова об «Эллинской религии страдающего бога», и в 1903 году выступала посредницей между ним и четой Мережковских по вопросу публикации этих лекций в журнале «Новый путь»⁸⁰.

⁷⁵ Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. / Сост., подгот. текста Е.В. Витковского, В.П. Крейда. – М., 1994. Т. 3. С. 85.

⁷⁶ Флора Осиповна (Овсеевна?) Вербловская родилась 13 апреля 1866 года в Вильне, в семье Овсея (Евсея?) Азриеловича и Раши-Иты Гиршевы Вербловских, родом из Юрбурга. В Вильне же родились её сестра Маша (1865), братья Израиль-Мендель (1863), Алексей (1867), Иоаким (1868) и Гершон (1871). Подробнее о матери О.М. и ее роде см.: *Нерлер П.* Осип Мандельштам: рождение и семья (Мать) // Знамя. 2016. № 12. = <http://magazines.russ.ru/znamia/2016/12/osip-mandelshtam-rozhdenie-i-semya.html>

⁷⁷ Мандельштам Н. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. С. 55.

⁷⁸ Там же. С. 533. Анна Ахматова, в 1960-е отрицавшая многое из того, что писалось о ней, Гумилеве и Мандельштаме в статьях и мемуарах наших эмигрантов, данный эпизод с «бабушкой» оставила, что примечательно, без какого-либо комментария, заметив лишь, что в воспоминаниях Евгении Герцык (впервые опубликованных в 1943 г.) справедливо утверждалось, что «Вячеслав Иванов не признавал нас всех (будущих поэтов-акмеистов – *В.Д.*)» (*Ахматова А.* Собр. соч. в 6 т. / Сост., подгот. текста Н.В. Королевой, С.А. Коваленко. – М., 2001. Т. 5. С. 26).

⁷⁹ Переводчик, однако, слегка разочаровал Венгерова: уже имея представление о его «трудной», насыщенной архаизмами и неологизмами поэзии, Венгерov, тем не менее, не ожидал, что он не только «адекватно» переведет все поэтические архаизмы Байрона, но и добавит к ним еще свои, по словам Венгерова, «крайне неуклюжие» (Переписка Вяч. Иванова с С. А. Венгерovым. / Публ. О. А. Кузнецовой // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. – СПб., 1993. С. 77 – 91).

⁸⁰ Ее письма Иванову по этому поводу см.: *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903 – 1907 годах: Документальные хроники. – М., 2009. С. 87 – 88.

Между тем Владимир Пяст в своих мемуарной книге «Встречи» (1929)⁸¹ – не упоминая ни про бабушку, ни про мать О.М., ни про Венгеровых – так описывает первый визит юного поэта на Башню:

«Много начинавших поэтов приходили на эти собрания. И вот, помню, однажды пришёл – увя, уже кончавший свою короткую жизнь! – Виктор Гофман в сопровождении совсем молодого стройного юноши в штатском костюме, задравшего голову даже не вверх, а прямо назад: столько чувства собственного достоинства бурлило и просилось наружу из этого молодого тела. Это был Осип Мандельштам»⁸².

Скажем несколько слов о «сопровождаемом»: Гофман Виктор (Виктор-Бальтазар-Эмиль) Викторович (1884 – 1911) – московский поэт и прозаик, старший гимназический товарищ Владислава Ходасевича, на зависть последнему в 1902 году познакомившийся с Валерием Брюсовым и начавший посещать его «среды» в доме на Цветном бульваре. Брюсов в целом положительно оценивал его первые поэтические опыты, находя в его «певучих» стихах – преимущественно томно-любовных и лишенных какой бы то ни было «религиозно-теургической» мути – «особенный, им одним присущий аромат», а в самом Гофмане, «маленьком Бальмонте» (и таком же любвеобильном), видя поэта, «не лишённого своеобразного отношения к действительности, умеющего смотреть на неё не сквозь призму чужих впечатлений»⁸³. Примечательно, что в стихах О.М. из первого «Камня» (в которых тема любви была табуирована) Брюсов подобного «аромата» не почувствует, как не заметит он в их авторе и умения смотреть на действительность «не сквозь призму чужих впечатлений».

В начале февраля 1909 г. – потеряв средства к существованию со смертью отца (австрийского подданного, мебельного фабриканта) и с желанием «в корне изменить жизнь» – В. Гофман приехал «существовать литературой» в Петербург, где издал второй сборник стихов «Искус», после чего бросил занятия поэзией и переключился на беллетристику. Не прижившись в «аполлоновской» среде, какое-то время он работал помощником редактора в «Новом Журнале для Всех», где опубликовал несколько своих рассказов и рецензий. Вынужденно занимаясь «бессмысленно-позорной» литературной поденщиной, а также переводами, остро страдал от творческой недореализо-

⁸¹ С какими-то главами книги О.М., возможно, знакомился в процессе их написания, судя по дарственной Пяста: «Соавтору, Осипу Мандельштаму, от любящего автора» (*Тименчик Р.Д.* Комментарии // Пяст Вл. Встречи. С. 322).

⁸² Там же. С. 101.

⁸³ Брюсов В. Виктор Гофман. Искус // *Русская мысль*. 1910. № 2; Брюсов В. Среди стихов 1894 – 1924. Манифесты. Статьи. Рецензии / Сост. Н. А. Богомолов и Н. В. Котрелев. – М., 1990. С. 357, 507 – 520.

ванности. Летом 1911-го уехал путешествовать в Европу и неожиданно, в Париже, в начале августа, покончил жизнь самоубийством – предположительно в минуту острого психического расстройства⁸⁴. Из опубликованных в периодике его рассказов издательство «Нового Журнала для Всех» сформировало сборник, вышедший вскоре после его смерти: «Любовь к далекой. Рассказы и миниатюры 1909 – 1911 гг.»⁸⁵.

В «академическом» протоколе от 23 апреля имя В. Гофмана, между тем, отсутствует – как и имя Пяста⁸⁶ – при этом последний в своих мемуарах совсем не обязательно «врал как очевидец»: возможно, протокольный список присутствовавших в этот день оказался неполон по вине Марии Михайловны Замятниной⁸⁷, «крайне неразборчиво и невразумительно»⁸⁸ составлявшей протоколы заседаний параллельно своим хозяйственно-бытовым хлопотам по приготовлению снэди и т. д. По той же причине, очевидно, О.М. в сохранившихся протоколах пятого – седьмого заседаний значится не под своим именем, а под именем Мендельсона⁸⁹. У нас нет никаких оснований подозревать О.М. в том, что он сознательно мистифицировал Вяч. Иванова и его «учеников», представившись не своим именем, но, принимая во внимание имя его «сопровождающего», нельзя хотя бы в шутку не отметить, что немецкий композитор XIX века Феликс Мендельсон тоже был шапочно знаком с Гофманом – только не с Виктором-Бальтазаром-Эмилом, естественно, а со своим современником Эрнстом Теодором Амандеом, немецким писателем-романтиком, в гротесковых и фантастических образах которого Виктор Жирмунский в 1910-е годы найдет нечто общее с поэтическими образ-

⁸⁴ Его предсмертная записка к матери начиналась словами: «Я сошел с ума. Я уже совсем идиот...» (Цит. по: *Лавров А. В.* Виктор Гофман: между Москвой и Петербургом // Писатели символистского круга. Новые материалы. – СПб., 2003. С. 209). Подробнее о нем см.: Виктор Гофман. Любовь к далекой: поэзия, письма, воспоминания / Сост., вступ. ст. и коммент. А. И. Чагина. – СПб., 2007.

⁸⁵ Статьи напомним и о его тезке, литературоведе Викторе Абрамовиче Гофмане (1899 – 1942), погибшем в дни ленинградской блокады, авторе не опубликованной при его жизни статьи «О Мандельштаме» (1926) (Звезда. 1991. № 12. С. 175 – 187).

⁸⁶ Имя В. Гофмана впервые появится в протокольном списке слушателей шестого заседания, состоявшегося 29 апреля, имя Пяста – в списке слушателей седьмого заседания, состоявшегося 8 мая (*Гаспаров М.Л.* Лекции Вяч. Иванова. С. 97, 101).

⁸⁷ Замятнина Мария Михайловна (1862 – 1919) – Маруся, Мару; имела высшее образование, с 1893 по 1899 год – работала помощницей библиотекаря на Высших женских (Бестужевских) курсах. С 1900 г., со времени своего поселения в женевакской квартире Иванова и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, вела у них домашнее хозяйство, выполняла «эмиссарские» поручения, вскоре став всеми любимым членом семейства. «До самоотверженья преданная семье В. Иванова, Марья Михайловна Замятнина отчасти исполняла обязанности секретаря В. Иванова и вела все его дела, – вспоминала Н. Г. Чулкова: – исполняла поручения, ездила в издательства, получала деньги и вообще избавляла его от житейских забот, предоставляя ему возможность посвящать свое время творчеству и общению с друзьями и многочисленными посетителями» (*Чулкова Н.Г.* Воспоминания // Вестник Русского Христианского Движения. 1989. № 157. С. 135).

⁸⁸ «Предмет она понимала плохо и, как непривычный студент, конспектирующей лекцию, сплошь и рядом записывала не то, что важнее, а то, что легче улавливается» (*Гаспаров М.Л.* Лекции Вяч. Иванова... С. 90).

⁸⁹ Там же. С. 94, 97, 101.

ами О.М., такого же, по его словам, «фантаста слов»⁹⁰, как и немецкий романтик XIX века⁹¹.

Под своим настоящим именем юный поэт войдет в протокол уже последнего, восьмого заседания, прошедшего 16 мая 1909 г. – возможно, благодаря тому, что громко и отчетливо представился перед чтением стихов, хотя, если верить воспоминаниям Евгении Герцык и Владимира Пяста, свои стихи, «чёткие и фарфоровые», он читал уже в первый день появления на Башне – «по окончании лекции и ответов [Иванова] на вопросы аудитории»⁹².

Примечательно, что Елизавета Дмитриева (будущая Черубина де Габриаки), участница пятого заседания, уже в первый день появления О.М. на Башне знала, что юного поэта зовут не Мендельсон, а Мандельштам. Спустя три дня после заседания она писала Волошину:

«23-го апреля Вяч<еслав> Ив<анов> говорил о рифме. <...> Потом читали стихи, все, даже безмолвные. Я прочла сонет <...> и Вяч. Ив. его похвалил очень. Я этому так рада. Был еще там поэт Мандельштам»⁹³.

Резонно предположить в этой связи, что Дмитриева впервые могла увидеть О.М. не на Башне, а в квартире А. Толстого – в доме № 15 на Глазовской ул., где в феврале-марте 1909 г. жил Волошин, и куда частенько заглядывал в то время Николай Гумилев.

Что касается Виктора Гофмана, то он – даже если он и явился на Башню в тот же день, что и О.М. – со своим «сопровождаемым» знаком явно не был.

«Был однажды у Вяч. Иванова, – писал он 27 апреля 1909 г. своему другу, искусствоведа и меценату А. Шемшурину. – Он, оказывается, читает здесь у себя на квартире молодым поэтам целый курс теории стихосложения, всё по формулам и исключительно с технической, с ремесленной стороны. Формулы свои пишет мелом на доске, и все за ним списывают в тетрадки. А какие-то дамы, так те каж-

⁹⁰ Жирмунский В. Преодолевшие символизм // Русская мысль. 1916. № 12. С. 44.

⁹¹ Спустя тридцать лет ассоциации О.М. и его соратников с Гофманом будут уже не так безобидны. В августе 1946 г. советский идеолог-обскурант, секретарь ЦК ВКП (б) А. А. Жданов, громя в своем приснопамятном докладе «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» за «безыдейность» акмеистов, Анну Ахматову, Михаила Зощенко и писателей из группы «Серапионовых братьев» – назовет их «общим родоначальником» Гофмана, «одного из основоположников аристократически-салонного декадентства и мистицизма». При этом, как показалось Илье Эренбургу, Жданов едва ли понимал, что говорит о немецком романтике, а не русском поэте В. Гофмане (См.: *Эренбург И. Люди, годы, жизнь: том третий.* – М., 1990. С. 34).

⁹² Пяст Вл. Встречи. С. 101.

⁹³ Черубина де Габриаки. Из мира уйти неразгаданной. Жизнеописание. Письма 1908 – 1928 годов. Письма Б.А. Лемана к М. А. Волошину / Сост., подг. текстов, прим. В. Купченко и Р. Хрулевой. – Феодосия-Москва, 2009. С. 38.

дое его слово записывают, точно в институте. Среди слушателей были поэты с некоторым именем (Гумилёв, Потёмкин, гр. Толстой⁹⁴).

Остальные – какие-то неведомые юнцы. Держится Вяч. Иванов – куда более властно и надменно, чем Брюсов, все же учреждение это именуется академией поэтов»⁹⁵.

Зачем Пясту-мемуаристу понадобился Виктор Гофман в роли «сопровождающего» О.М. – можно лишь догадываться. Может быть, такой «сопровождающий» был им выбран как более репрезентативная фигура, чем «поэтова бабушка»?

На Башне О.М. познакомился еще с одним Гофманом – Модестом – поэтом и будущим литературоведом-пушкинистом⁹⁶, который с 1906 по 1909 год входил в ближайший круг друзей-учеников Вячеслава Иванова, был секретарем издательства «Оры», автором двух поэтических сборников⁹⁷, книги «Соборный индивидуализм» (1907), создававшейся под чутким руководством мэтра, а также редактором «Книги о русских поэтах последнего десятилетия» (1909), в которой были представлены портреты З. Гиппиус, Дм. Мережковского, Ф. Сологуба, Блока, С. Городецкого (с последним М. Гофман был знаком по столичной альма-матер) и других поэтов.

А чуть позже – и тоже шапочно – О.М. познакомится и еще с одним Гофманом, Артуром, учившимся в 1910-е гг. на историко-филологическом факультете СПб университета. Его имя в «Египетской марке», что отмечено Р.Д. Тименчиком, будет отдано начальнику департамента, в котором чиновники «сбивали гоголь-моголь»⁹⁸. Как тут, поистине, лишний раз не вспомнить классика: «Возле Шиллера стоял Гофман, – не писатель Гофман, но довольно хороший сапожник с Офицерской улицы, большой приятель Шиллера».

⁹⁴ В предыдущем письме, от 30 марта 1909 г., В. Гофман сообщал Шемшурину: «Был как-то у Городецкого: видел там всех здешних “экзотистов” (новый термин): Ауслендера, Гумилева, гр. А. Н. Толстого» (Письма В. В. Гофмана к А.А. Шемшурину / Пред., публ. и коммент. А.В. Лаврова // Писатели символистского круга. С. 246). Николай Гумилева, имевшего к тому времени в активе уже два, пусть и «ученических», сборника стихов, Виктор Гофман имел все основания назвать «поэтом с некоторым именем», хотя сам относился к его стихам достаточно скептически, не находя в них «настоящей лирики, настоящей музыки стиха» (Русская мысль. 1908. № 7. Отд. III. С. 144 – 145).

⁹⁵ Письма В. В. Гофмана к А.А. Шемшурину. С. 274.

⁹⁶ Гофман Модест Людвигович (1887 – 1959), с сентября 1922 г. – в эмиграции. Подробнее о нем см.: Богомолов Н. А. Гофман Модест Людвигович // Русские писатели. 1800 – 1917: Биограф. словарь. Т. 2: Г – К. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. С. 5 – 6; Тименчик Р. Д. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Пути искусства: Символизм и европейская культура XX века. – М., 2008. С. 407 – 410.

⁹⁷ «Кольцо. Тихие песни скорби» (СПб., 1907); «Гимны и оды» (СПб., 1910). Стихи второго сборника создавались под впечатлением студенческой экспедиции в Грецию (состоявшейся летом 1910 г. под руководством Ф. Ф. Зелинского) и представляли собой опыт имитации античных размеров, алкаевых и сапфических строф. Брюсов отозвался об авторе «греческого» сборника критически, заметив, что он слагает стихи «таким образом, словно бы он был не нашим современником, а жил во времена Горация и Овидия» (Русская мысль. 1911. № 2. Отд. II. С. 229).

⁹⁸ Подр. см.: Тименчик Р.Д. Артур Яковлевич Гофман // Он же. Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. – Иерусалим – М., 2009. С. 432 – 437.

Во время «академических» занятий О.М. узнал не только об анапестях и амфибрахиях, о том, что гиатусов и элизий в стихе следует избегать, что ямб, по мнению древних, имеет «антилирическую природу» и т. д. – но и о вполне прозаической, но для него весьма важной, новости: о том, что в Петербурге с осени начнет выходить новый модернистский журнал «Аполлон». Хотя узнать об этом он мог, впрочем, и из объявления в газете «Речь» от 20 апреля 1909 г., в котором прочитал: «С осени возникает новый большой журнал “Аполлон”, типа “Золотого Руна”. Во главе журнала стоят С. Маковский, М. Волошин, И. Анненский и А. Волынский»⁹⁹.

Теперь же пришло время обратиться к рассмотрению одного «эдиционного» артефакта: к «делу» Мандельштама, к которому он не имел никакого отношения.

«Устроить комнату для Мандельштама...»

После «академических» занятий, в июне 1909 года, О.М. с семьей отдыхал на даче в Царском Селе, где нанес визит к Иннокентию Анненскому – в первую очередь, очевидно, как к члену редакционного совета «Аполлона». Анненский принял О.М., по словам Н.Я. Мандельштам, «очень дружественно и внимательно (вниманию царскосельского мэтра были предложены, очевидно, стихи юного гостя – *В.Д.*) и посоветовал ему «заняться переводами, чтобы получить навыки»¹⁰⁰.

Вторую половину лета О.М. с семьей провел на швейцарском курорте в Монтрё, откуда отправил Анненскому почтовую карточку с уведомлением о своем швейцарском адресе: «на случай, если он будет нужен редакции»¹⁰¹. Редакции он оказался, увы, не нужен.

Из Монтрё О.М. отправил также письмо Вячеславу Иванову, выразив в последнем восхищение вышедшей накануне книгой статей мэтра «По звездам», и, кроме всего прочего, высказав пожелание встретиться с ним осенью, где-нибудь за границей.

Заметим в скобках, что книга Вяч. Иванова «По звездам», названная О.М. «пленительной и предназначенной для покорения сердец»¹⁰², даже у друзей и единомышленников автора вызвала самые разноречивые, по-преимуществу критические, оценки, вызвав неприятие у многих не только своим велеречивым стилем и «темным» языком,

⁹⁹ Б.п. Литературная летопись // *Речь*. 1909. 20 апр. № 106. С. 4.

¹⁰⁰ Мандельштам Н. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. С. 104.

¹⁰¹ Мандельштам О. Полное собр. соч.: В трех томах (Далее – ПСС и П). Т. 3. Проза. Письма / Сост., подгот. текста, коммент. А. Г. Мец и др. – М., 2011. С. 363.

¹⁰² Там же. С. 361.

но и отдельными утопическими, «неославянофильскими», идеями, в частности, о скором приходе эпохи «хорового духа и соборного упования» и т. д.

Примечательно, что Мандельштама, уже «осеменённого» Ивановым в «Академии стиха» знаниями об эллинистической природе русского языка, о поэтическом языке как «языке богов», имеющем заклинательную силу и прочая, прочая – «темнота» творений мэтра ничуть не смущала, а только вызывала к ним еще больший пиетет: как к творениям поэта-символиста, «верного своей стихии», то есть говорящего на языке символов, как «неисчерпаемых и беспредельных в своем значении», – по утверждению Иванова, – так и «многоликих, многосмысленных и всегда темных в последней глубине»¹⁰³.

Послание юного поэта мэтру, между тем, осталось безответным.

Между тем имя О.М. мы неожиданно обнаруживаем в довольно загадочных дневниковых записях Вячеслава Иванова от 5 и 6 сентября 1909 года – в соседстве с именем главного редактора журнала «Аполлон» Сергея Маковского. Впервые эти записи были опубликованы О.А. Шор-Дешарт в 1970-е годы – в составе брюссельского издания собрания сочинений Иванова. В дневниковой записи от 5 сентября читаем:

«Секретарь Маковского пишет <...>, что больной (Маковский – В.Д.) просит захватить к нему. Собираюсь завтра, чтобы передать стихи Бородаевского¹⁰⁴ и устроить комнату для Мандельштама, о чём просил сегодня Ауслендер».

И на следующий день:

«<...>. Был у больного Маковского. Он благодарил за стихи, которыми очень доволен. Просил позировать. Говорил о поэтической академии. Устроено тотчас дело Мандельштама (он велел секретарю послать 25 р.)»¹⁰⁵.

О.М., напомним, в это время находился уже в дороге по пути из Монтрё в Гейдельберг.

В загадочной истории с этим «делом» четыре обстоятельства, как минимум, до недавнего времени оставляли биографов О.М. в полном недоумении.

Во-первых: зачем понадобилось устраивать комнату для О.М. – и так срочно – в Петербурге, да ещё в начале сентября, когда Мандельштам со дня на день собирался уезжать из Монтрё на учебу в Гейдельберг – и как минимум до весны следующего

¹⁰³ Иванов Вяч. Поэт и чернь // Весы. 1904. № 3.

¹⁰⁴ Бородаевский Валериан Валерианович (1874 – 1923) – горный инженер по образованию, как поэт с 1909 г. находился «под началом» Вяч. Иванова, своего будущего кума.

¹⁰⁵ Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. – Брюссель, 1971 – 1987. Т. 2. С. 801 – 803.

года (Заметим, что по возвращении в Петербург, весной 1910 г., О.М. поселится вместе с семьей по новому адресу: Загородный проспект, 70).

Во-вторых: почему с просьбой об этом «устройстве» к Иванову обратился молодой литератор Сергей Ауслендер, случайный знакомый О.М. по занятиям в «Академии стиха», ни в дружеских, ни, тем более, в родственных связях с О.М. не состоявший.

В-третьих: если 25 рублей были посланы юному поэту в качестве гонорара (и по какому адресу?), то почему первая подборка его стихов в «Аполлоне» появилась только в августе 1910 г.?

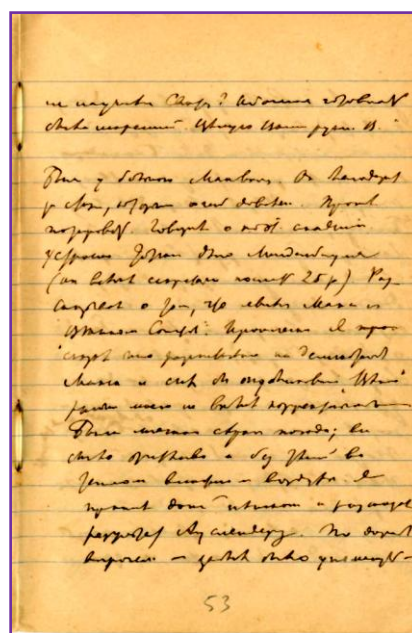
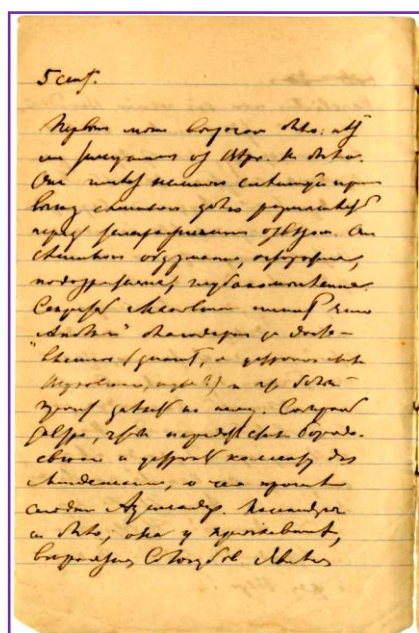
И, наконец, в-четвертых: почему О.М. в письмах к Вяч. Иванову из Гейдельберга не только не благодарил последнего за «комнатные» хлопоты и присылку «гонорара», но и вообще не затрагивал в них эти «деловые» темы, при этом даже не намекая на возможность своего скорого возвращения из-за границы?

Густой туман в этом «деле» был развеян результатами относительно недавних текстологических изысканий доктора филологических наук Н. А. Богомолова. Работая в Римском архиве Вячеслава Иванова над повторной – вслед за О. А. Шор-Дешарт – дешифровкой весьма неразборчивых дневниковых записей «башенного» мэтра, исследователь установил, в частности, что в первой записи (от 5 сентября) фамилия «Мандельштам» была атрибутирована первопубликатором дневников предположительно и, как оказалось, неверно. На ее месте, хотя и не без труда, читается «Линден...ма», а во второй записи (от 6 сентября) – на месте «Мандельштама» уже вполне отчетливо читается «Линденбаума», то есть фамилия издателя журнала «Перевал» Владимира Васильевича Линденбаума, который на своем издании в 1906 – 1907 гг. потерял все свое состояние (25 тыс.) и в 1909 году остался в буквальном смысле без копейки¹⁰⁶.

Кроме этого, В. В. Линденбауму (см. ту же запись от 5 сентября) устраивали – как показал Н.А. Богомолов – не комнату, а коллекту, то есть сбор пожертвований в

¹⁰⁶ В феврале 1909 г. В.В. Линденбаум обращался, например, к И. Анненскому – как бывшему сотруднику «Перевала» и человеку «более или менее обеспеченному» – с просьбой об одолжении 55 рублей: «Мне нужно заплатить за квартиру и обед, – писал Линденбаум, – нужно сшить себе хоть какой-нибудь костюм, а в кармане нет ни одной копейки» (*Анненский И. Ф. Письма: В 2-х Т. / Сост., предисл., коммент. А. И. Червякова. – СПб., 2009. Т. II. 1906 – 1909. С. 272*). Рискнуть своим капиталом для устройства издательства молодого провинциального поэта Линденбаума – «болезненного и с сильным пристрастием к алкоголю» – соблазнил владелец московского издательства «Гриф» Сергей Кречетов (Соколов) (О последнем как редакторе журнала «Перевал» см: *Лавров А.В. «Перевал» // Лавров А.В. Русские символисты. Этюды и разыскания. – М., 2007. С. 486 – 498*).

его пользу – откуда в тексте и появились якобы «гонорарные» 25 р. для «Мандельштама»¹⁰⁷.

Листы 48 об. и 52 дневника Вяч. Иванова (выдержки записей от 5 и 6 сентября 1909 года) с упоминанием имени В. В. Линденбаума. Электронный архив Вяч. Иванова. Оп. 6. Карг. 1. Папка 21. URL: <http://www.v-ivanov.it/>

Если «дело» О.М. 1909 года долгое время присутствовало в его биографии в качестве своеобразного «эдиционного» артефакта, то нижеследующее предположение – в силу недостаточного объема доказательной базы – пока лишь претендует на то, чтобы стать фактом реальным.

Невостребованный Гейдельберг и адреса Мандельштама в записной книжке М. Замятной

Из воспоминаний младшего брата поэта, Евгения Мандельштама, известно, что Флора Осиповна навещала с ним Осипа в Гейдельберге – «посмотреть, как он устро-

¹⁰⁷ Богомолов Н.А. Проблематизация текста как способ чтения трудных мест // Богомолов Н.А. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. – М., 2011. С. 15 – 16, 266.

ился»¹⁰⁸. Вполне возможно, что в Гейдельберг из Монтрё они выехали все вместе, втроем. Как бы то ни было, но гейдельбергский адрес сына Флоре Осиповне был известен уже в сентябре и, более того, в том же сентябре она каким-то образом сумела сообщить этот адрес Вячеславу Иванову: в миниатюрной записной книжке «домашнего гения» семейства Ивановых, М. М. Замятниной, где ею записывались в 1909 году (обычно карандашом) адреса посетителей Башни, рукой самого Иванова (единственный раз!) и не карандашом, а черными чернилами – будет записано сразу два адреса, а именно: «Мандельштам Флора Осиповна Моховая 27, кв. 55 (до 24. IX), потом: Загородный 70 т. 124-59. Мандельштам Осип Эмильевич, Heidelberg, Continental. Anlagen, 30»¹⁰⁹.

Любопытно, что до этого (предположительно в мае), рукой Замятниной, карандашиком, в книжку был внесен другой адрес О.М.: «Коломенская 5. Тел. 210-17»¹¹⁰ (Разнообразие петербургских адресов – на которое трудно не обратить внимание – объясняется в первую очередь тем, что семья О.М. каждую осень, по инициативе матери, терзаемой, по словам Евгения Мандельштама, «страстью к перемене мест», меняла своё местожительство в столице; легкое недоумение вызывает лишь почти одновременное, с разницей в несколько месяцев, указание сыном и матерью двух разных адресов проживания незадолго до переезда семьи на Загородный проспект).

Судя по записи Иванова, сделана она была до 24 сентября 1909 г., накануне переезда семейства Мандельштамов на другую квартиру, и, очевидно, сразу по возвращении матери О.М. из Гейдельберга. Всё вышесказанное вынуждает нас предположить, что она лично выполняла просьбу своего сына, ожидавшего от Иванова ответа на свое большое письмо из Монтрё от 13 (26) августа (с отзывом о сборнике статей «По звездам»), но так его и не дождавшегося.

Следующее письмо – уже из Гейдельберга – точнее, записку с напоминанием о себе и с просьбой об ответе – О.М. пошлет мэтру ровно через два месяца: 13 (26) октября 1909 года: «Дорогой Вячеслав Иванович! Если вам хочется мне написать и вы не отвечаете мне по какой-нибудь внешней причине, то всё-таки напишите мне. Я хочу многое вам сказать, но не могу, не умею до этого. Любящий вас Осип Мандельштам. Heidelberg, Anlag 30»¹¹¹.

¹⁰⁸ Мандельштам Е.Э. Воспоминания. С. 135.

¹⁰⁹ РГБ. Ф. 109. Карт. 43. Д. 7. Л. 145.

¹¹⁰ Там же. Л. 144 об.

¹¹¹ Мандельштам О. ПСС и П. Т. 3. С. 364.

Ответа он не получит и на это письмо, как и на последующие четыре с приложенными к ним стихотворениями.

III

Мандельштам и Сергей Маковский: к истории появления первой публикации поэта в «Аполлоне»

Что скажут о тебе другие, коли ты сам
о себе ничего сказать не можешь?

Козьма Прутков

Дебютная «аполлоновская» публикация Мандельштама состоялась в девятом (августовском) номере за 1910 год. О предыстории этой публикации тогдашний редактор «Аполлона», Сергей Маковский, спустя десятилетия, в эмиграции, поведал в своем мемуарном очерке о Мандельштаме, вошедшем в его книгу «Портреты современников» (Нью-Йорк, 1955):

«Журнал только начинался, работы было много, целые дни просиживал я над рукописями и корректурами. Как-то утром, – отчётливо запомнился этот не совсем обычный эпизод, – входит ко мне секретарь редакции Е. А. Зносков-Боровский, заявляет: некая особа по фамилии Мандельштам настойчиво требует редактора, ни с кем другим говорить не согласна.

Через минуту появилась дама, немолодая, довольно полная, бледное взволнованное лицо. Её сопровождал невзрачный юноша лет 17-ти, видимо конфузился и льнул к ней вплотную, как маленький, чуть не держался “за ручку” <...>.

Вошедшая представила мне юношу:

– Мой сын. Из-за него и к вам. Надо же знать, наконец, как быть с ним. У нас торговое дело, кожей торгуем. А он всё стихи да стихи! В его лета пора помогать родителям. Вырастили, воспитали, сколько на учение расходу! Ну что ж, если талант – пусть талант. Тогда и университет, и прочее. Но если одни выдумки и глупость – ни я, ни отец не позволим. Работай, как все, не марай зря бумаги... Так вот, господин редактор, – мы люди простые, небогатые, – сделайте одолжение – скажите, скажите прямо: талант или нет! Как скажете, так и будет...

Она вынула из сумочки несколько исписанных листков почтовой бумаги в линейку и вручила мне...».

Маковский пытался сослаться на занятость, но «энергичная мамаша» не отступала ни на шаг: читайте немедленно – и выносите приговор!

Не найдя в стихах «конфузливой юноши» ничего особенного («Ничем не пленили меня», – признается Маковский), редактор «Аполлона» уже хотел было отделаться от незваных посетителей какой-нибудь «неопределённо-поощрительной формулой редакторской вежливости, когда – взглянув опять на юношу – прочёл в его взоре такую напряжённую, упорно-страдальческую мольбу, что сразу как-то сдался и перешёл на его сторону: за поэзию, против торговли кожей»!

Положительный «приговор» редактора Флору Осиповну в первую минуту несколько озадачил, но она «быстро нашлась»: « – Отлично, я согласна. Значит – печатайте!»¹¹².

Маковский ошибочно (спустя как-никак почти полвека) датировал этот визит концом 1909 года (О.М. находился в это время еще в Гейдельберге). В новейшей «Летописи жизни и творчества О.Э. Мандельштама» данный визит – в силу высокой степени его предположительности – не зафиксирован, хотя ранее, не без оговорок, он датировался в «трудах и днях» поэта маем-июнем 1909 г.¹¹³ – на основании, главным образом, вышеприведенных дневниковых записей Вячеслава Иванова от 5 и 6 сентября 1909 г. об устройстве «комнаты» и «дела» Мандельштама, из которых делался вывод, что главный редактор «Аполлона», видимо, был уже знаком с юным поэтом, раз взялся устраивать его «дело». «Невозможно представить, – замечали в этой связи биографы поэта, – чтобы Иванов мог обратиться с просьбой подобного рода о незнакомом Маковскому человеке». На основании тех же записей делался вывод, что указанная в них «сумма денег – вероятно, гонорар за стихи», принятые у поэта накануне¹¹⁴.

Как на косвенное подтверждение знакомства О.М. с редактором «Аполлона», указывалось и на августовскую открытку юного поэта Анненскому, хотя, на наш взгляд, открытка из Монтрё в Царское Село свидетельствует, скорее, об обратном: если бы О.М. уже был знаком с Маковским, то открытку со своим заграничным адресом он наверняка послал бы лично ему, в Петербург – по адресу редакции «Аполлона», а не в Царское Село, члену редакционного комитета журнала. Тем более, если допустить, что Маковский накануне уже дал добро на публикацию его стихов и выслал ему гонорар. К этому можно еще добавить, что никаких свидетельств о том, что Маковский к сен-

¹¹² Маковский С. Осип Мандельштам // Он же. Портреты современников. – М., 2000. С. 397 – 398.

¹¹³ Мец А.Г. Комментарии // Мандельштам О. Камень. С. 346.

¹¹⁴ Там же.

тября 1909 года уже был лично знаком с О.М., не содержат ни его письма, ни другие доступные нам источники.

По поводу предполагаемого «гонорара» можно заметить, что еще и до обнаружения ошибки О. Шор-Дешарт можно было понять, что его размер (25 р.) был явно несообразен объему состоявшейся в 1910 г. публикации. Если учесть, что начинающие поэты получали в то время в среднем около 20 копеек за строку, то получалось, что Маковский в 1909 году принял у О.М. к публикации не менее десяти полноценных стихотворений (общим количеством примерно в 125 строк), что вдвое превышало объём состоявшейся через год с небольшим публикации всего из пяти стихотворений (64 строки). Кроме этого, что еще более важно, из пяти стихотворений О.М., опубликованных Маковским в 1910 году («Невыразимая печаль», «Имею¹¹⁵ тело – что мне делать с ним», «Истончается тонкий тлен»¹¹⁶, «Она еще не родилась...»¹¹⁷ и «Медлительнее снежный улей»¹¹⁸), к началу лета 1909 года – и то предположительно, как датированные 1909 годом – Мандельштамом могли быть написаны только два первых стихотворения¹¹⁹.

Третье стихотворение, «Истончается тонкий тлен» – он выслан из Швейцарии на отзыв Вячеславу Иванову только в августе 1909 г., а два последних – датированы 1910-м годом.

Я не хочу моей судьбы...

Весной 1910 г. О.М. вернулся из Гейдельберга, чтобы больше туда не возвращаться (Официально из университета он будет отчислен только в начале 1911 г. – как не внёсший плату за обучение). По возвращению из Гейдельберга он, вместе с родителями, находился в санатории близ Гельсингфорса, откуда совершал регулярные наезды в Петербург. Один из последних – перед отъездом в Хангё и далее «в Берлин для лечения» – в начале июля 1910 года, с визитом на Башню, о чем свидетельствует сле-

¹¹⁵ В «Камне» (1913) исправлено на: *Дано мне*

¹¹⁶ Позднее при жизни поэта не публиковалось.

¹¹⁷ В составе «Камня» – под заглавием «Silentium».

¹¹⁸ В «аполлоновскую» публикацию вошло с опечаткой: «Медлительнее **спешный** улей». (См.: *Василенко С. В.* К проблеме установления авторского текста в стихах Осипа Мандельштама // *Корни, побеги, плоды... Мандельштамовские дни в Варшаве: В 2 ч.* / Сост. П.М. Нерлер, А. Поморский, И. З. Сураг. – М., 2015. Ч. 2. С. 312). «Не повезло» первой строке этого стихотворения и в издании второго «Камня» (1916), где в слове *снежный* наборщики «потеряли» букву «н» (*Медлительнее **снежый** улей*). Анализ этого стихотворения см.: *Дзядко Ф.* «Здесь – трепетание стрекоз». Мотив беззаботности в раннем творчестве О. Э. Мандельштама // *Русская филология*. 12. Сб. науч. работ молодых филологов. – Тарту, 2001. С. 81 – 86.

¹¹⁹ Текстологические изыскания Д. В. Фролова показали, что эти два стихотворения могли быть написаны не ранее мая 1909 г. (См.: *Фролов Д. В.* О ранних стихах Осипа Мандельштама. – М., 2009. С. 117).

дующая строчка из дневниковой записи Михаила Кузмина от 9 июля 1910 г.: «<...> Был Зинаидин жидок, напросившийся прийти <...>»¹²⁰.

Во время одного из таких наездов – вероятнее всего в середине июня 1910 года – О.М., очевидно, и посетил редакцию «Аполлона» – и вполне вероятно, что с матерью, которую в это время, когда на обучении ее любимца в Гейдельберге пришлось вынужденно, по материальным причинам, поставить крест – не могла не беспокоить дальнейшая судьба ее сына, которого она к тому же считала «ненормально рассеянным <...> тяжелым неврастеником»¹²¹.

Заметим, что именно в середине июня 1910 года Сергей Маковский (который только что приехал из Парижа¹²² и которого в начале июля ждала еще поездка в Самару на переговоры со спонсором «Аполлона», предпринимателем М. К. Ушковым) вплотную и «с самыми энергичными намерениями» – как он выразился в письме к со-редактору журнала, барону Николаю Врангелю – приступил к работе главреда «Аполлона». Очевидно, что именно в это время он «целые дни просиживал над рукописями и корректурами», как он пишет в очерке о Мандельштаме, в то время как весной 1909 года – когда до выхода первого номера журнала оставалось ещё примерно пять месяцев – нужды в таком форс-мажоре еще не было¹²³.

В пользу нашей версии датировки этого визита говорит и письмо, посланное О.М. редактору «Аполлона» в конце июня 1910 г. из Гельсингфорса:

*«Глубокоуважаемый Сергей Константинович! Будьте добры сообщить мне, находите ли возможным напечатать (в сентябре?) вместе с другими (то есть от-данными в редакцию накануне – В.Д.) эти два стихотворения. Мой адрес: Helsingfors, Talbacka. Ваш О. Мандельштам»*¹²⁴.

¹²⁰ Кузмин М. Дневник 1908 – 1915. С. 223. Стоит заметить, что, встретив О.М. в следующий раз весной 1911 года, Кузмин в дневнике именует его уже не Зинаидиным жидком, а собственным именем (Там же. С. 270 и далее).

¹²¹ См. ее заявление в Департамент полиции от 14 октября 1910 г. – в связи с просрочкой О.М. загранично-го паспорта (ГАРФ. Ф. 102.2.2 д-во. 1910 г. Д. 8 ч. 3 Л. 58, 58 об).

¹²² 16 июня 1910 г. он сообщал Брюсову: «Я только что вернулся из Парижа, где устраивал русскую выставку, и весь еще – под впечатлением жизнерадостной “столицы мира”... Как невесело у нас! Русская действительность точно сплетена из недоразумений, обид, ссор...» (РГБ. Ф. 386. Карт. 93. Ед. хр. 27).

¹²³ Хотя уже в июле 1909 г. Маковский жаловался своей матери на то, что с делами журнала вынужден крутиться «как белка в колесе»: «Утром – в типографии: привожу в порядок дела “Аполлона”; днем работаю в библиотеке Гос. Совета и задыхаюсь от книжной пылищи; после 4-х – в редакции, принимаю просителей, сотрудников, поставщиков etc... Вечером бываю в Царском у Анненского: чтение, разговоры, стихи, проза, стихи до бесконечности. Хочется мне чрезвычайно в две недели приблизительно настолько все подытожить, чтобы уехать освежиться хоть недели на три за границу. Боюсь только, что не удастся. <...>. Ушков, которого я видел сегодня, выдает обещанные деньги 15 августа; кроме того есть шансы, что он будет субсидировать и дальше, если дело ему нравится (это будет видно по первому году)...» (Там же. С. 182).

¹²⁴ Мандельштам О. ПСС и П. Т. 3. С. 367. В пользу того, что визит О.М. в редакцию «Аполлона» состоялся в июне 1910 года, говорит и мемуарное свидетельство Маковского о том, что «стихи Мандельштама стали

К письму были приложены стихотворения: «Над алтарём дымящихся зыбей» и «Необходимость или разум», к печати «Аполлоном» не принятые.

При этом Маковский, вполне возможно, даже не успел прочитать эти два стихотворения, поскольку в начале июля уехал в Самару на вышеупомянутые переговоры с М. К. Ушковым – нужно было срочно устраивать плачевные финансовые дела журнала, за неполный год принесшего сорок тысяч убытка¹²⁵.

О причинах отказа в публикации двух мандельштамовских стихотворений можно лишь догадываться. Стихотворение «Необходимость или разум», вполне возможно, насторожило редакцию журнала (Гумилева? Зноско-Боровского?) совсем не «аполлоновским», а каким-то нарочито «дионисийским» – à la Вячеслав Иванов – пафосом. О.М. возвещал в нём о победе неких *пьяных жрецов* над *мудрецами*, и о торжестве стихийной воли над предустановленной верховным *разумом* судьбой.

За всем этим внешним «богоборчеством» трудно, между тем, не увидеть – особенно в рефрене *я не хочу моей судьбы* – рвущейся из души юного автора «упорно-страдальческой мольбы», прочитанной Маковским в глазах О.М. еще во время его визита в редакцию: «За поэзию – против торговли кожей!»:

*Необходимость или разум
Повелевает на земле –
Но человек чертит алмазом
Как на податливом стекле:*

*Оркестр торжественный настройте,
Стихии верные рабы,
Шумите листья, ветры пойте –
Я не хочу моей судьбы.*

*И необузданным пэанам
Храм уступают мудрецы,
Когда неистовым тимпаном
Играют пьяные жрецы.*

*И, как её не называйте,
И, для гаданий и волибы
Её лица не покрывайте –*

печататься «Аполлоном» очень скоро» (Маковский С. Осип Мандельштам. С. 401). «Согласно тогдашней практике, – отмечает Н. А. Богомолов, – стихи, как правило, не лежали в редакциях подолгу» (Богомолов Н.А. Проблематизация текста как способ чтения трудных мест // Он же. Сопряжение далековатых. С. 15).

¹²⁵ См.: Максимилиан Волошин в журнале «Аполлон». Переписка с С. К. Маковским... / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007 – 2008 год. СПб., 2010. С. 414. 15 июля 1910 г. Маковский оповещал секретаря журнала Е. Зноско-Боровского: «Вот уже около недели я с милейшим М. К. Ушковым (из Москвы проехали по Волге до Самары) и дела “Аполлона” понемногу выясняются. Прежде всего о ближайшем. Через неделю (приблизительно) ты получишь от М. К. Ушкова 5000 рублей (к 1 августа – во всяком случае). Распорядись ими как можно экономнее!» (Цит. по: Чабан А. «Аполлон» «домашний»: репрезентация журнала в письмах С.К. Маковского к матери (1909 – 1910) // *Intermezzo festoso. Liber amicorum in honorem Lea Pild: Историко-филологический сб. в честь доцента кафедры русской литературы Тартуского университета Леа Пильд* / Под ред. Л. Киселева, М. Боровикова. – Тарту, 2019. С. 181 – 182).

Я не хочу моей судьбы.

Образ алмаза в данном стихотворении, что уже было отмечено исследователями творчества О.М.¹²⁶, отсылает нас к словам «прелестного» Заратустры:

« – Зачем так тверд! – сказал однажды древесный уголь алмазу. – Разве мы не близкие родственники?

– Зачем так мягки? О братья мои... Зачем так мягки, покорны и уступчивы? <...> А если вы не хотите быть роковыми и непреклонными, - как можете вы когда-нибудь вместе со мною – победить? А если ваша твердость не хочет сверкать и резать и рассекать, – как можете вы когда-нибудь вместе со мною – создать?»¹²⁷.

Образ угля/алмаза широко использовался, кстати говоря, и в творчестве поэтов-символистов¹²⁸ – как правило, в качестве символа преображения.

У Вяч. Иванова, например, в стихотворении «Пришлец» читаем: *Угль, взыгравший радугой алмаза, / В чреве Я взыгравший бог...*

У него же в стихотворении «Алмаз»:

*Когда, сердца пронзив, Прозрачность
Исполнит солнцем темных нас,
Мы возблестим, как угля мрачность,
Преображенная в алмаз¹²⁹.*

У Александра Блока в «Возмездии»: *Созрела новая порода, – / Угль превращается в алмаз...*¹³⁰

У О.М. образ алмаза – в качестве символа твердости – дважды встретится поэме и в прозе. В статье «О природе слова» (1922) он, в характерном для себя императиве долженствующего быть, напишет: «Человек должен быть тверже всего на земле и относиться к ней (современной эпохе – В.Д.), как алмаз к стеклу»¹³¹. До этого, в статье «Петр Чаадаев» (1914), он указывал на образчик такого человека: «След, оставленный

¹²⁶ Петрова Н. Литература в неантропоцентрическую эпоху. Опыт О. Мандельштама. – Пермь, 2001. С. 158.

¹²⁷ Ницше Ф. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. – М., 1990. С. 155.

¹²⁸ О широкой семантике образа угля/алмаза в поэтике русского символизма см.: Михайлова М.В. Уголь и алмаз. К антропологии русского символизма // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2. – СПб., 2016. С. 215 – 228.

¹²⁹ Тему «преображения» Иванов подхватил у Владимира Соловьева, в статье которого «Красота в природе», например, есть рассуждения и о механизме преображения угля в алмаз в процессе «неслиянного и нераздельного соединения вещества и света» (Соловьев Вл. Красота в природе // Вопросы философии и психологии. 1889. № 1).

¹³⁰ Сравнительную интерпретацию образа угля/алмаза у Блока и Ницше см.: Магомедова Д. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. – М., 1997. С. 174 – 181.

¹³¹ Мандельштам О. ПСС и П. Т. 2. С. 80. «В статье “Гуманизм и современность” [1923] Мандельштам снова заговорил о человеке, но уже в ином плане; вера в твердость человека была подорвана и на первый план выступила его беспомощность в сравнении с мощными формами социальной структуры» (Мандельштам Н. Собр. соч. в 2 т. Т. 1. С. 806).

Чаадаевым в сознании русского общества, – такой глубокий и неизгладимый, что невольно возникает вопрос: уж не алмазом ли проведен он по стеклу?»¹³².

Между тем своей «богоборческой» интерпретацией темы Судьбы в вышеприведенном стихотворении О.М. выступил вольным или невольным «оппонентом» религиозного философа-мистика Владимира Соловьева, утверждавшего, что судьба, или «провидение Божие», довлеет над нами по законам высшего порядка, «независимого от нас по существу».

Статья «Судьба Пушкина» (1897), в которой философ пытался доказать провиденциальный характер «заслуженной» – как следствие «греховной» жизни – гибели гениального русского поэта, заканчивалась так:

«Судьба вообще не есть простая стихия <...>, присущая ей необходимость есть преодолевающая сила разумно-нравственного порядка, независимого от нас по существу, но воплощающегося в нашей жизни только чрез нашу собственную волю. А если так, то я думаю, что темное слово “судьба” лучше нам будет заменить ясным и определенным выражением – провидение Божие»¹³³.

У Мандельштама же человеческая воля и судьба как Божие провидение явно противопоставлены, и опять же «по-заратустровски»: «О воля моя! <...> Ты жребий души моей, который называю я судьбою!»¹³⁴.

Тема данного стихотворения, кстати, в какой-то степени могла быть навеяна О.М. и его студенческими штудиями: известно, что зимой 1909/1910 гг. он посещал в Гейдельбергском университете (хотя и неизвестно, как часто) философский курс неокантианца Вильгельма Виндельбанда (1848 – 1915), в семинаре которого, как пишет Федор Степун, «шла оживленная дискуссия о свободе воли. Виндельбанд разъяснял свою, в основе кантовскую точку зрения, согласно которой признание за человеком свободной воли с научной точки зрения невозможно, а с нравственной – необходимо»¹³⁵.

¹³² Мандельштам О. ПСС и П. Т. 2. С. 27.

¹³³ Соловьев Вл. Судьба Пушкина // Соловьев В. С. Литературная критика. – М., 1990. С. 204. Со слов Н. Я. Мандельштам мы знаем, что Вл. Соловьев входил в круг наиболее чтимых «собеседников» О.М. и был, «как философ, <...> гораздо ближе О.М., чем принято думать» (Мандельштам Н. Собр. соч. в 2 т. Т. 1. «Воспоминания» и другие работы. С. 319). В начале 60-х гг. она писала Анне Ахматовой: «У меня есть прямые доказательства, что Ося читал, знал и здорово помнил Соловьева» (Мандельштам Н. Об Ахматовой / Сост. П. Нерлер. – М., 2007. С. 259). Примечательно, однако, что в том же письме статью философа о Пушкине вдова поэта именует «чепухой», едва ли не солидаризуясь в этой оценке со своим покойным мужем. «Провидение Божие» у Соловьева синонимично, судя по контексту статьи, пресловутому «Божьему наказанию» за некие преступления поэта против нравственности – О.М. же еще в свои гимназические годы данную теологическую точку зрения окрестил «лживой и лицемерной» в своем сочинении «Преступление и наказание в “Борисе Годунове”» (См.: Мандельштам О. Преступление и наказание в «Борисе Годунове» // «Сохрани мою речь...»: Сборник / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. – М., 1991. С. 6).

¹³⁴ Ницше Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 156.

¹³⁵ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. – СПб., 2000. С. 80.

Кроме этого, еще до поездки в Гейдельберг, О.М. познакомился со статьей Вяч. Иванова «Древний ужас» (по поводу картины Л. Бакста «Terror Antiquus»), посвященной теме судьбы в античном ее понимании. Вяч. Иванов писал, в частности:

«Сильнее самих богов – Судьба: непредвидима и неотвратима роковая година. Судьбы не умилоставишь жертвами, не победить противлением; ни умалить, ни отразить ее нельзя. <...>. Ее воля – мировая необходимость... Она – Ананке. Необходимость, Ананке, – значило ли: причинная связь явлений? Об этом не думали. Знали только абсолютное в существовании безликой, и знали, что она едина»¹³⁶.

Именно против такого понимания судьбы и бунтовал юный поэт в вышеприведенном стихотворении. Примечательно, что и спустя двадцать с небольшим лет, находясь на гребне очередного водораздела своей судьбы, О.М. провозгласит, как в юности:

*Но не хочу уснуть, как рыба,
В глубоком обмороке вод,
И дорог мне свободный выбор
Моих страданий и забот¹³⁷*

(Другое дело, что у О.М. – как «виртуоза противочувствия» – всплески «бунта» и «богоборчества» контрапунктно и приступообразно сопровождались признаниями вполне «примирительного» и «покорного» характера: *И принимая ветер рока, / Раскрыла парус свой душа...* и т. п.).

Между тем заочным оппонентом О.М.-«богоборца» на рубеже 1910-х годов оказался, сам того не ведая, его тенишевский учитель словесности (в пору своего «декадентского бунта», кстати, увлекавшийся сочинениями «антихриста» Ницше и читавший «Заратустру» даже «на уроках в гимназии»¹³⁸). В одном из своих стихотворений (опубликованных Брюсовым в «Русской мысли» не без протекции З. Н. Гиппиус¹³⁹) Вл. В. Гиппиус продекларировал «смиренную» и безусловную покорность судьбе как Божьему промыслу:

*О Боже, ты со мною говорил в ветрах
И в музыке сознательных созвучий,
И о Тебе клубились в небе тучи,
И сумрак лил дожди в безудержных струях,*

¹³⁶ Золотое Руно. 1909. № 4.

¹³⁷ Черновая строфа из стихотворения «О, как мы любим лицемерить» (1932).

¹³⁸ Гиппиус Вл. О самом себе // Петрополь. Литературная панорама 1993 – 1996. – СПб., 1996. С. 125. Подробнее о «нищенстве» Вл. Гиппиуса см. в обзорной статье Е.А. Куранды (О.Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Записки Мандельштамовского общества. Вып. 11: Сб. материалов к Мандельштамовской энциклопедии. – М., 2007. С. 63).

¹³⁹ См.: Рыкунина Ю.А. «Книга – дело личное и, конечно, в России совершенно бескорыстное». Письма Вл. Гиппиуса Брюсову (1897 – 1912). С. 325. Поначалу Брюсов обещал опубликовать в 1911 г. целую подборку стихов Вл. Гиппиуса в «Русской Мысли», но в итоге опубликовал только одно стихотворение (Подробнее см.: Азадовский К. Два письма Зинаиды Гиппиус // Он же. Серебряный век. Имена и лица. – СПб., 2015. С. 430 – 431).

*И я Тебя лишь знал в слезах и наслажденьях,
И в ночь любви я падал лишь к Тебе, -
И если Ты судьба – покорен я судьбе,
И если Ты огонь – прими моё сожженье!*¹⁴⁰

Как бы то ни было – благодаря Судьбе, Провидению, или собственной воле – но со времени первой публикации в «Аполлоне» Осип Мандельштам окончательно и бесповоротно определил свой жизненный выбор в пользу Поэзии – «против торговли кожей»!

«Рассказ» Сергея Маковского: pro et contra

Вдова поэта, Надежда Яковлевна Мандельштам, в своих мемуарах, ничтоже сумняшеся, утверждает, что Сергей Маковский – ни много ни мало – «выдумал нелепую сцену с торговкой-матерью»¹⁴¹. «Нелепой выдумкой» – возможно, не без подачи вдовы поэта – называет эту сцену в своих воспоминаниях и младший брат поэта, Евгений Мандельштам, добавляя к этому, что Флора Осиповна «вообще не вмешивалась в Осину жизнь»¹⁴² (что не помешало ей, однако, выполнить его поручение по передаче гейдельбергского адреса Вяч. Иванову, а до этого – в Царском Селе – посетить мать Николая Гумилева, чтобы выяснить какие-то вопросы о «материальных условиях жизни» за границей¹⁴³).

Н. Я. Мандельштам утверждает также, что «рассказ» Маковского каким-то образом стал известен ее мужу (буквально: «дошел до нас при жизни Мандельштама» – чего Е. Э. Мандельштам в своих мемуарах не подтверждает) и «глубоко его возмутил»¹⁴⁴. Свидетельств самого Мандельштама на этот счёт мы, увы, не имеем. Очевидно, однако, что очерк Маковского, опубликованный пятнадцать лет спустя после трагической гибели поэта, не то что «возмутить» последнего, но и «дойти» до него никак не мог¹⁴⁵.

¹⁴⁰ Русская мысль. 1911. № 10. С. 194.

¹⁴¹ Мандельштам Н. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. С. 52.

¹⁴² Мандельштам Е.Э. Воспоминания. С. 136.

¹⁴³ Анна Ахматова вспоминала: «А<нна> И<вановна> Гумилева (мать поэта – В.Д.) рассказывала мне, что к ней (как к матери молодого человека, бывшего в Париже) приезжала мать Мандельштама перед его поездкой за границу, чтобы расспросить о каких-то материальных условиях жизни» (Ахматова А. Победа над Судьбой. Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы / Сост., подгот. текста, пред. и прим. Н. Крайневой. – М.: Русский путь, 2005. С. 123 – 124).

¹⁴⁴ Мандельштам Н. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. С. 52 – 53.

¹⁴⁵ К слову – здесь же можно указать, как минимум, и еще на одно (привлекшее в свое время внимание С. Шумихина) свидетельство Надежды Яковлевны, отмеченное явным временным анахронизмом. В комментариях к поздним стихам О.М. она утверждает, что ее муж был знаком со стихотворением Г. Шенгели «Ответ Мандельшта-

«Рассказ» бывшего редактора «Аполлона» вдовой поэта интерпретирован следующим образом:

«Маковский изобразил мать О.М. какой-то глупой еврейской торговкой. Это ему понадобилось, очевидно, для того же журналистского контраста: гениальный мальчик из хамской семьи. Между тем мать О.М., учительница музыки, привившая сыну любовь к классической музыке, была абсолютно культурной женщиной, сумевшей дать образование детям и совершенно не способной на дикие разговоры, которые ей приписал Маковский»¹⁴⁶.

Но что же в них было «дикого»?

«Эти родительские страхи при проявлении у сына зловещего поэтического дара – увы! – очень законны, и напрасно, по нашему мнению, биографы поэтов упрекают отцов и матерей в недомыслии и прозаичности, – писал, например, Теофиль Готье в очерке о кумире русских поэтов-модернистов Шарле Бодлере. – На какое печальное, неопределенное и жалкое существование, – не говоря уже о денежных затруднениях, – обрекает себя тот, кто вступает на тернистый путь, который зовется литературной карьерой!»¹⁴⁷.

С позиции здравого житейского смысла ничего «дикого» в обращении матери О.М. к редактору «Аполлона» мы не видим, как не видим и того, что он, задним числом, нарочито пытался изобразить ее «глупой еврейской торговкой».

Где-то в начале 1980-х годов писатель Аркадий Львов – в одном достаточно вольном эссе, посвященном жизнеописанию О.М. – предпринял первую и, кажется, единственную на данное время попытку «реабилитировать» Маковского, указав на то, что восприятие «абсолютно культурной женщины» из вильненских евреек потомственным дворянином и человеком православным (не без снобизма гордившимся репутацией «русского европейца») вполне естественно и неизбежно должно было отличаться от восприятия оной вдовой поэта, к тому же ни разу, добавим, с Флорой Осиповой (скончавшейся в 1916 году) лично не встречавшейся¹⁴⁸.

В то же время большая часть исследователей жизни и творчества Мандельштама солидаризируется, как правило, с авторитетным мнением вдовы поэта. При этом если одни авторы уличают Маковского – вслед за ней – в намеренном искажении «культур-

му», которое датировано, между тем, ноябрем 1948 г.: «О.М. смеялся!» (Там же. С. 716, 817). Подробнее см.: Шумихин С. «Ответ Мандельштаму» // Русская мысль. 1998. 16 – 22 апреля. С. 14).

¹⁴⁶ Мандельштам Н. Собр. соч. в 2 т. Т. 1. С. 255. Заметим при этом, что едва ли чья-то «устная версия» могла передать все особенности и нюансы устной речи матери О.М.

¹⁴⁷ Готье Т. Шарль Бодлер // Бодлер Ш. Цветы зла и Стихотворения в прозе в переводе Эллиса. – Томск, 1993. С. 14.

¹⁴⁸ См.: Львов А. Черное и желтое // Наш современник. 1994. № 2. С. 148.

ного» образа матери О.М. (но далеко не всегда соглашаясь с утверждением Надежды Яковлевны, что Маковский встречу с матерью «выдумал»), то другие – вменяют ему в вину нескромное желание предстать перед потомками этаким самозванным первооткрывателем будущей знаменитости.

Нам же, признаться, трудно поверить, что Маковский, уже готовящийся во время написания мемуаров *уйти в страну покоя, где нет ни “завтра”, ни “вчера”*, и признающийся, пусть и задним числом, в своей любви к Мандельштаму-человеку (такому «неприспособленному и обойдённому на жизненном пиру»), не говоря уже о признании в любви к его «магической» поэзии (возвышавшейся над «преследовавшими его житейскими “катастрофами”») – при всем при этом мог пойти на «придумывание» данного сюжета, движимый мотивами мелкого тщеславия. Заметим, кстати, что, в отличие от Зинаиды Гиппиус, он не пытается в своем очерке – задним числом – представить себя этаким проницательным мэтром «со вкусом и чутьем» и прямо признаётся, что первые стихи О.М. его нисколько не впечатлили.

Между тем в одной из недавних монографий о Николае Гумилеве мы находим, например, такой пассаж по поводу «нелепой сцены», описанной Маковским:

«Конечно, легенда о “еврейской мамаше”, появляющейся с сыном в редакции “Аполлона” и требующей от Маковского дать экспертную оценку его стихам, более чем сомнительна, – пишет ее автор, пытаясь далее – не без очевидных передержек – убедить нас в том, что О.М. к тому времени был признан мэтрами и покруче редактора “Аполлона”, и вообще уже “был многим обязан символистам и никак ими не обижен”: – трудно сказать, что заставило С. К. Маковского, ещё молодого и вроде бы не страдающего абберацией памяти, выдумать в 1920-е годы эту историю. Мандельштам ещё в 1908 году переписывался с Брюсовым и Вячеславом Ивановым. В отличие от Гумилева, он был благосклонно принят даже у Мережковских»¹⁴⁹.

Почти каждое утверждение данного пассажа требует или опровержения, или, как минимум, уточнения: во-первых, у нас нет документальных оснований утверждать, что Маковский «выдумал эту историю», еще будучи «молодым», в 1920-е годы; во-вторых, О.М. не только в 1908 году, но и в последующие годы в переписку с Валерием Брюсовым не вступал; в-третьих, с Вячеславом Ивановым он «переписывался» годом позже, если можно назвать «перепиской» его безответные послания мэтру; в-четвертых, о том, насколько «благосклонно» он был принят Мережковскими, мы уже видели.

¹⁴⁹ Шубинский В. Николай Гумилев. Жизнь поэта. – СПб., 2004. С. 349.

Что касается Николая Гумилева, то он, «не благосклонно» принятый Мережковскими в Париже в 1907 году, был, в отличие от О.М., не просто принят Валерием Брюсовым, но и признан тем как поэт, тогда как Мандельштаму пришлось довольствоваться позже «признанием» уже «признанного» Брюсовым Гумилева.

Олег Лекманов, автор широко известной монографии о Мандельштаме, не поддерживая мнение брата и вдовы поэта о том, что С. К. Маковский «выдумал нелепую сцену с торговкой-матерью», в то же время не подверг сомнению утверждение Н. Я. Мандельштам о том, что «рассказ» Маковского «глубоко возмутил» поэта (при этом вопрос о том, каким образом «рассказ» Маковского мог дойти до поэта – остался без рассмотрения).

Негодование поэта могла вызвать, по мнению исследователя, «прямая речь, вложенная Маковским в уста его матери, и сам портрет “немолодой, довольно полной дамы” с “бледным взволнованным лицом”, в котором почти невозможно распознать реальные черты Флоры Осиповны Вербловской (зато – с лёгкостью – типичную для русской литературы карикатуру на чадолюбивую еврейскую мамашу)»¹⁵⁰!

Известный мандельштамовед и душеприказчик вдовы поэта Юрий Львович Фрейдин, вслед за Н. Я. Мандельштам полагающий, что Маковский «сочинил» историю с визитом, не исключил возможности прямой корреляции между «рассказом» мемуариста о матери поэта и характеристикой ее устной речи, данной Мандельштамом в «Шуме времени». Напомним это место:

«Речь матери, ясная и звонкая, без малейшей чужестранной примеси, с несколько расширенными и чрезмерно открытыми гласными, литературная великорусская речь; словарь ее беден и сжат, обороты однообразны, – но это язык, в нем есть что-то коренное и уверенное. Мать любила говорить и радовалась корню и звуку приbedненной интеллигентским обиходом великорусской речи. Не первая ли в роду дорвалась она до чистых и ясных русских звуков?»¹⁵¹.

По мнению исследователя, вышеприведенным пассажем О.М. мог отреагировать на предполагаемую устную версию рассказа Маковского, то есть «позитивом» ответить на «негатив». Однако, в таком случае не совсем понятно, зачем поэт вспомнил про однообразные обороты материнской речи и бедность ее словаря. Ведь таким образом он не только не опровергал «рассказ» Маковского, но фактически дополнял его в pendant «возмутившему» его автору. Ю.Л. Фрейдин, впрочем, не исклю-

¹⁵⁰ Лекманов О. Осип Мандельштам: ворованный воздух. – М., 2016. С. 47 – 48.

¹⁵¹ Мандельштам О. ПСС и П. Т. 2. С. 222.

чил и обратного варианта: что Сергей Маковский мог в эмиграции «сочинить» сцену визита, отталкиваясь от уже известной ему мандельштамовской характеристики материнской речи. «Неясно только, – пишет при этом исследователь, – какой из рассказов является, говоря языком бихевиористов, “стимулом”, а какой – “реакцией”, поскольку мы располагаем только датами создания и публикации повести О.М. (1925 г. – *В.Д.*) и датой издания мемуаров Маковского (1955 г. – *В.Д.*), но ничего не знаем о циркуляции их устных версий»¹⁵².

Подтверждения существования подобных версий в свидетельствах современников мы, однако, не находим. Думается, что в случае инициации подобной «циркуляции» со стороны Маковского какая-то из его «версий» должна была дойти и до кого-нибудь из друзей-долгожителей поэта: например, до Анны Ахматовой или Георгия Иванова, которые бы не упустили, надо думать, случая ее соответствующим образом прокомментировать. Тем более, что Анна Ахматова, как известно, более чем критично относилась к мемуарам Сергея Маковского, окрестив последнего в своих поздних записках даже «маразмистом-затейником»¹⁵³: за то, в частности, что тот позволил себе, в своем очерке о Николае Гумилеве, повторить чей-то «злостный вздор» о том, что она в начале 1910-х годов якобы страдала от ревности к своему мужу «дон жуану», а также «вздор» о том, что Гумилев в день рождения сына «кутил до утра с троюродным братом» Д. Кузьминым-Караваевым, «шатаясь по разным веселым учреждениям»¹⁵⁴.

Не менее критично оценил эти мемуары в эмиграции и Георгий Иванов (в которых о нем самом, кстати, не было ни слова) – но уличить их автора он смог лишь в том, что тот-де якобы не выразил в них своего прежнего, настоящего отношения к отдельным поэтам: «Он на первых порах, – с присущей ему “достоверностью” писал он о Маковском Роману Гулю, – презрительно отзывался об Анненском, а Мандельштама – “какого грязного жиденка” – просто не хотел брать»¹⁵⁵ (Сравним с поздним свидетельством Ахматовой: «Маковский напечатал нас (ее и О.М. – *В.Д.*) почти одновременно в “Аполлоне” (На самом деле – с разницей в восемь месяцев – *В.Д.*). Мне

¹⁵² *Фрейдин Ю.Л.* Еврейские праздники в стихах и прозе Осипа Мандельштама // Праздник - обряд – ритуал в славянской и еврейской культурной традиции. Вып. 15. – М., 2004. С. 286 – 287.

¹⁵³ *Ахматова А.* Собр. соч. в 6 т. Т. 5. С. 107.

¹⁵⁴ Там же. С. 117, 124, 650.

¹⁵⁵ Письма Георгия Иванова // *Арьев А.* Жизнь Георгия Иванова. Документальное повествование. – СПб., 2009. С. 408

Маковский по этому поводу сказал: “Он смелее вас. И при чем-то еще было слово “дерзает”»¹⁵⁶).

Негативная оценка Г. Ивановым мемуаров Маковского определялась, в первую очередь, давним его негативным отношением к их автору, которого в одном из писем тому же Роману Гулю он обозвал даже «холуем в монокле» – видимо, так и не простив ему того, что когда-то, в начале 1910-х годов, на пару с «Жоржиком» Адамовичем, «лебезил перед ним как редактором “Аполлона”», в то время как тот «третировал их вроде как валетов»¹⁵⁷.

И при всем при этом ни Анна Ахматова, ни Георгий Иванов – что примечательно – никак не прокомментировали «выдуманную» Сергеем Маковским «нелепую сцену» с визитом О.М. и его матери в редакцию «Аполлона» – явно упустив прекрасный шанс лишний раз уличить во «вранье» ненавистного им обоим мемуариста¹⁵⁸.

¹⁵⁶ Ахматова А. Листки из дневника (О Мандельштаме) / Публ. В. Виленкина // Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 185.

¹⁵⁷ Пяст Вл. Встречи. С. 104

¹⁵⁸ Роман Гуль, между тем, писал Г. Иванову, что ему и М. М. Карповичу «рассказ» Маковского о том, как к нему Мандельштам «привела мамаша да еще чуть ли не на местечковом языке с ним говорила <...> представился совершенно неправдоподобным», но сам Г.Иванов данное «представление» почему-то оставил, повторимся, без какого-либо комментария (См.: Георгий Иванов – Ирина Одоевцева – Роман Гуль: Тройственный союз. Переписка. 1953-1958 годов / Публ., сост., коммент. А.Ю. Арьева и С. Гуаньелли. – СПб., 2010. С. 312).